

A woman with long blonde hair, wearing a white dress and a crown of green leaves, stands by a body of water at sunset. She holds a glowing orb in her outstretched hand. The background features a bright sun low on the horizon, creating a warm, golden glow and lens flare effects. The water reflects the light, and tall reeds are visible in the foreground. The overall mood is magical and serene.

АТатьяна Люшина

Чудо
купальской
ночи

Татьяна Алюшина

Чудо купальской ночи

«ЭКСМО»

2015

Алюшина Т. А.

Чудо купальской ночи / Т. А. Алюшина — «Эксмо», 2015

Клим умеет плести кружево из металла, создавая в своей кузнице настоящие произведения искусства, и долгое время именно работа составляла главный смысл его жизни. Но встреча с Полиной показала ему, что бывает и другая жизнь. Эта девушка похожа на каплю живительной росы – такая же прекрасная и чистая. Неудивительно, что она вскружила голову суровому кузнецу с первого мига встречи, а волшебная ночь на Ивана Купалу закружила их в своем хороводе, зажгла в сердцах яркое пламя.

© Алюшина Т. А., 2015

© Эксмо, 2015

Татьяна Алюшина

Чудо купальской ночи

© Алюшина Т., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Клим всякий раз радовался, когда приезжал сюда. Ему нравился этот удивительный, странноватый дом необычной планировки: с разными уровнями крыш и разной этажностью корпусов, словно перетекающих один в другой, создавая квадрат с двумя арками противоположных въездов, в так называемом тихом центре Москвы – памятник архитектуры, ну не самой древней – всего лишь начало двадцатого века, – но бесспорно памятник. Нравилось, как качественно и профессионально отреставрировали это здание, и особо радовал его уютный, закрытый со всех сторон от шума и суеты огромного города охраняемый двор.

В любое время суток машины в этом дворе практически не парковались, единицы – и то в основном днем, а потому что жили в этом непрестом домике люди сплошь сознательные и ставили свои любимые авто в ближайшем подземном гараже, чтобы не создавать друг другу неудобства и не загромождать обзор на красивый двор и маленький зеленый скверик в центре него. Бывает и так в наше время, уж поверьте.

А посторонние въехать и поставить машину во дворе не имели возможности, в связи с серьезной охраной территории, которую не забывали проверять и поддерживать на добровольных, так сказать, началах особо бдительные жильцы, в ряды которых входили в основном боевые въедливые старушки из числа жен бывших номенклатурных работников высшего звена.

Клим хоть и являлся по сути посторонним и в данном жилищном анклав не проживал, мало того, не проживал здесь никто и из числа его родственников, но и совсем уж в чужих тоже не числился, по той простой причине, что имел индивидуальный пропуск на въезд, дававший право в любое время дня и ночи заезжать в эту благодать центральную и оставлять здесь свою машину.

А вот потому что надо иметь хорошие знакомства даже в таких исторических местах. Правильнее, наверное, сказать: особенно в таких местах. Клим, например, таковых знакомых имел – замечательную женщину, талантливого дизайнера Алину Глаумову, с которой они вот уже несколько лет успешно сотрудничают. Ну а поскольку приходилось частенько «заседать» по рабочим вопросам у нее дома, Алина и снабдила Клима заветным пропуском на закрытую территорию памятника культуры и архитектурного искусства.

Вот и сейчас, медленно проезжая к нужному подъезду, он с удовольствием отмечал тишину двора, отрезанного от шума центра закрытой планировкой здания, смотрел на зеленый островок скверика, женщин с колясками и без, сидевших на лавочках, играющих детишек, и эта картинка, как бывало всякий раз, когда он приезжал сюда, настраивала на спокойствие и неспешность.

Наверное, благодаря этому, каждый раз возникающему здесь состоянию умиротворения и мимолетной душевной приятности посреди загруженного делами, встречами и решениями напряженного рабочего дня Клим и обратил особое внимание на девушку, идущую по тротуару как раз мимо того места, где собрался припарковать машину.

Походка ее была легкой, стремительной и при этом какой-то веселой, что ли, – без напряжения в теле, в движениях. Длинная, широкая шелковая юбка, закрывавшая даже щиколотки, при каждом шаге девушки струилась и закручивалась вокруг стройных ножек, очерчивая умопомрачительной красоты и формы попку, обозревать которую тактично не мешала короткая,

до талии курточка, по середине которой протекала густая темно-русая коса, заканчивавшаяся вот как раз у начала умопомрачительных ягодичек и раскачивавшаяся над ними из стороны в сторону при движении хозяйки.

Клим даже притормозил, залюбовавшись этим видением. Ему очень импонировала новая мода на длинные юбки и платья. Казалось, что в них женщины становятся иными, барышнями – загадочными, утонченными, гораздо более недоступными, у них даже походка меняется, появляется плавность движений, манер, а эта милая необходимость так элегантно приподнимать ручкой подол при ходьбе по ступенькам – и уже совсем как-то по-иному ты к ней, а она к тебе. В мужчине просыпается гораздо больше охотничьих инстинктов и фантазий – ножек не видно, и приходится додумывать, какие они там. И обращать более пристальное внимание на девичьи щиколотки, почти позабытые современными мужчинами из-за слишком щедрой женской телесной открытости, и становится понятно, почему их красоту так воспевал «наше все» – Пушкин.

Клим вдруг отметил, что девушка поворачивает именно к тому подъезду, в который он направлялся, и подумал: может, догнать? Ведь интересно же! Тыл девушки оценил по самому высокому разряду, любопытно же, что там с фасадом. Но ей уже ответили по домофону, и, открыв двери, девушка скрылась в подъезде. А Клим быстро прикинул: припарковаться, выйти из машины, дойти до подъезда, не-а, не успеет – лифты в этом доме, невзирая на его приличный возраст, вполне современные и ездят быстро и исправно.

Не успеет. А бежать, торопиться – это вообще история не про него. Клим с младенчества не суетился и не производил лишних, ненужных, торопыжно-суежных телодвижений, если не требовали особые обстоятельства. Спокойный, уверенный в себе, выверявший свои решения, он все делал неспешно, вдумчиво, но споро – «с толком и расстановкой», как говаривала его бабушка.

Ну вот бежать за девушкой и не станет, думал Клим, входя в подъезд и вызывая лифт. И все же небольшое недовольство таким решением оставалось. А потому, что все стояла перед его мысленным взором эта прямая спинка, заканчивающаяся высокой кругленькой попкой и весело подпрыгивающий над ней кончик густой длиной девичьей косы.

Ну нет так нет, что ж теперь. На других девушек полюбуется – отпустил он мимолетное происшествие.

– Поленька! Привет, дорогая! – открыв дверь, обрадовалась ей Алина.

– Здравствуй, Алиночка! – Перешагнув порог, она попала в теплые объятия дизайнера.

Недолго пообнимавшись, Полина отстранилась, сняла с плеча и кинула на пуфик у столика свою сумку, привычно достала тапочки с рисунком, стилизованным под гжель, которые Алина купила лично для нее, как, впрочем, покупала индивидуальные тапочки для каждого из своих постоянных гостей, скинула мокасины, переобулась и принялась быстро пояснять ситуацию:

– Потенциальный заказчик, с которым я должна была сегодня встречаться, перепутал что-то там со временем и перенес встречу на другой день, и я решила, что приду к тебе пораньше, а если ты занята, тихонько посижу, подожду... – но была остановлена восклицанием Алины.

– Польша, ты что за красотищу такую сотворила! – схватив сумку гости, рассматривала и восхищалась Алина. – Господи, какая обалденная работа! Потрясно!

Сумка и вправду удалась на диво – вместительная, скроенная таким образом, что две широкие ручки являлись одним общим полотном. Выполнена она была из грубой ткани, практически из дерюги, сверху которой находились ажурные кружева, вывязанные крючком. И это сочетание грубой ткани и нежных кружев яркой расцветки с плетением цветов, птиц, деревьев

было неожиданно, но смотрелось просто потрясающе! И вызывало желание замороженно рассматривать этот сказочный узор, подержать в руках и примерить на себя.

Что Алина тут же и сделала, повесив сумку на плечо и рассматривая себя в большое зеркало прихожей. Сняла с плеча, отодвинула на вытянутые руки, покрутила так и эдак, посмотрела и восхитилась:

– Полинка! Ну какая это красота!! Каждый раз поражаюсь, ну как тебе такое удастся, как ты это придумываешь? Просто чудо какое-то! Ты волшебница, вот признайся!

– Мне просто понадобилась новая большая сумка! – засмеялась Полина.

– Просто понадобилась... – поворчала, передразнив ее, Алина, осторожно укладывая сумку обратно на пуфик, не в силах сразу оторвать от нее взгляда и тяжело вздыхая, – и ты решила создать очередной шедевр!

– Мне она тоже нравится, – посмеивалась гостья.

– Просто нравится! – возмущенно всплеснула руками дизайнер. – Да выставочная вещь, произведение искусства, а ей просто нравится!

– Ну, она большая, я в ней карманы предусмотрела нужные, и в ней удобно вязанье носить, ну и украсила немножко! – пожалала плечиками, улыбаясь, Полина.

– Кошмар! Я с тобой с ума сойду! Украсила она немножко! Версаль! Эрмитаж! – театрально преувеличенно возмущалась хозяйка и, приобняв одной рукой гостью за плечи, еще разок тяжело вздохнула: – Вот все вы такие, творцы: наделаете вещей чудесных и как ни в чем не бывало ими пользуетесь, словно это барахло какое дешевое, а мы завидуем! Пошли, что ли, от расстройства чай пить?

– А ты у нас кто? – звонко рассмеялась Полина. – Тоже творец еще тот! Вон какую красоту делаешь, – девушка повела рукой, показывая на квартиру. – А потом в этом Версале с Эрмитажем и живешь, на зависть всем!

– Ладно, – усмехнулась хозяйка – Понарасхваливали друг друга в удовольствие и хватит. – И, не удержавшись, все же таки добавила: – Но сумка классная! Шик! И заметь, я не прошу такую же, хотя страшно хочется, но ведь знаю, что тут же примешься стараться-расстараться, а ты мне сейчас для проекта позарез нужна. Ну что, чай-то будешь?

– Буду, – веселым колокольчиком посмеивалась Полина и вспомнила: – Ой, да я же картофельники принесла, утром делала как раз для тебя к чаю!

– Полинка! – громко застонала Алина. – Ты что вытворяешь?! А моя фигура?! А последнее честное слово, данное себе, больше не объедаться и сесть на диету?

– Переживет твоя фигура вместе с диетой, – отмахнулась Полина, доставая из сумки плоский большой контейнер. – К тому же они совсем легкие.

– Да знаю я твои «легкие» штучки! – махнула безнадежно рукой дизайнер. – Вкуснотища страшная, налопаешься так, что потом ни дышать, ни ползать не можешь. И «пока» стройности! – и потянула гостью за локоток в сторону кухни: – Ну, идем скорее твои вкусняшки есть.

Хозяйка принялась накрывать стол, поставив на плиту воду в эмалированной кастрюльке, – Полина не признавала кипяток из электрических чайников, поэтому Алина всегда к приходу Поли кипятила воду только на плите, а потом заваривала пахучий чай с неизменно душистыми травками, которыми снабжала ее Полина, в большом пузатом английском фарфоровом чайнике. Который и приготовила, поставив рядом с плитой, и, не удержавшись, схватила-таки маленький пирожочек, съела и закатила глаза от избытка восторженных чувств и ощущений, но вдруг задумалась, что-то вспомнив, свела брови и требовательно поинтересовалась:

– Так я не поняла, что ты там начала говорить о каком-то заказчике?

– Ну, мне предложили интересный заказ. Только пока по телефону, – призналась Полина. – Подробности мы еще не обсуждали.

– Поля, – сразу сделавшись строгой, села за стол напротив нее Алина, – я твой основной заказчик, и у нас большой проект.

– Конечно, – улыбнулась ей обезоруживающей улыбкой девушка, – но я все успею в срок, ты же знаешь.

– Знаю! – недовольно кивнула Алина. – И что ночами спать практически не будешь, работая до глюков перед глазами и временной слепоты, и вкалывать без выходных и передышку. Тебе зачем это надо? Вот закончим проект, и бери сколько хочешь заказов!

– Ну так, – замялась неопределенно Полина, – и фурнитура, и материалы все закончились почти... Есть и еще кое-что...

– Что? – Хозяйка участливо положила руку на ее ладошку, придвинулась ближе и заглянула в лицо: – Снова мама?

– И это тоже, – усмехнулась невесело девушка.

– Что на этот раз? – сочувственно поинтересовалась Алина.

Ответить Поля не успела, что сильно ее порадовало, – неприятный разговор как нельзя вовремя перебил звонок в дверь.

– О! – поднялась со стула Алина. – Еще один творец пришел. Гость жданный и желанный.

– Я, конечно, не вовремя, – забеспокоилась гостя. – Давай в комнате тихонечко посижу, поработаю, а может, пойду погуляю, пока ты занята?

– Не хватало еще этого! – отмахнулась хозяйка. – Во-первых, он тоже с нами по этому проекту работает, а во-вторых, давно хотела вас познакомить, да как-то все не получалось.

– Зачем знакомить? – настороженно спросила Поля.

– Так надо, – рассмеялась Алина и вышла из кухни.

Поля легонько вздохнула, встала и принялась хозяйничать – раскладывать маленькие пирожочки картофельников на большое блюдо, уже приготовленное и выставленное для этой цели хозяйкой на столешницу.

За четыре года их сотрудничества Полина не просто прониклась глубочайшим восхищением силой и мощью таланта художника и дизайнера, она по-настоящему уважала и любила Алину, которая стала ей почти подругой. Во всяком случае, отношения у них сложились теплые и дружеские, при этом Поля всегда четко помнила о том, что Алина является ее самым крупным заказчиком и самым главным плательщиком. Увы, но данный факт не мог служить поводом для совсем уж тесного дружеского сближения.

Полине невероятно нравилось все, что делала Алина, – ее потрясающие проекты, придумки, идеи. Перед тем как сдать заказчикам работу, дизайнер устраивала для Полины экскурсию по объекту, чтобы она могла увидеть картину целиком, вместе с работами, которые сама сделала для этого проекта. И каждый раз девушка поражалась до глубины души тому, как и что получилось, и дивилась невероятно – ну как это можно было все держать в голове в полном объеме и законченном виде со всеми деталями, детальками, штучками и декором!

Она часто вспоминала, как они с Алиной встретились.

Зарабатывать деньги Полина Юдина начала еще подростком. Первые честные трудовые денежки она получила в четырнадцать лет, выполнив заказ для бабушкиной знакомой. Бабуля к тому времени стала плоховато видеть, но самое главное – потеряла интерес к вязанию: да надоело ей, и все! Всю жизнь рукодельничала и в удовольствие, и для семьи, и для неплохого приработка, но сколько же можно. Ну вот надоело! А внучку многому обучила, передала секреты и знания, да та оказалась похлеще и куда талантливей бабушки в этом деле – вязала, как из пулемета строчила, – быстрехонько да легохонько. И любой узор у нее сразу получался, да так гладко выходил, словно не руками, а на машинке вязали, загляденье.

А тут пристала как-то одна давняя знакомая к Анне Викторовне по старой памяти: свяжи, мол, да свяжи юбку для моей невестки, хочу ей на день рождения такой подарок преподнести; знаю, какие великолепные вещи ты делаешь, а невестка у меня фасонистая, любит красиво

одеваться. Бабушка отмахивалась, а однажды от назойливости чужой возьми да скажи: вон Полина свяжет, только заплатишь ей сполна. Женщина и согласилась.

Юбка вышла шикарная! Просто отпад! К тому же как раз во всех известных домах мод в этом сезоне оказались самым писксом моды, главным трендом вязанные вручную изделия.

Заказы от знакомых и коллег той невестки посыпались на девочку сплошным потоком. Папа этот поток притормозил так по-серьезному, напомнив и Полине, и заказчицам, что ребенку вообще-то учиться надо, у нее впереди выпускные классы, но и запрещать строго не стал. Сказал: если очень хочешь, вяжи, конечно, но рассчитай правильно свои силы и каждодневную занятость, не забывая и про отдых. А ей вязание как раз и в радость, и в отдых было.

Вот так, с той «невесткиной» юбки, все и началось.

Всегда находились заказчики. Полинины работы продавались, где бы и как бы она их ни представляла и ни выставляла. Но помог действительному серьезному продвижению, рывку, можно сказать, случай, основанный на бабушкиной былой славе известной вязальщицы.

Большой интересный заказ пришел от внука некогда близкой подруги Анны Викторовны, почти олигарха. Может, и не олигарха, но, во всяком случае, внучок вырос и стал весьма обеспеченным человеком и, что самое важное, с нежностью вспоминал свои детские вещички, которые вязала для него подруга бабушки по заказу его родителей. Вот, видимо, счастливое детство в удобных, уютных и стильных вещичках и напомнило о себе, когда у него самого родился ребенок. Хочу исключительно индивидуальные вещи для сынка, решил дядька и обратился к бабушке. И докатилось это пожелание по цепочке до Полины.

Ну вот, а жена этого почти олигарха оказалась не просто моделькой какой с амбициями, а женщиной умной, искусствоведом по образованию и с большими знакомствами. И ей так понравились вещички, изготовленные Полиной, что она мало того что скупила большую их часть, помимо, разумеется, детских вещичек ее сынишки, но и настояла на том, чтобы Поля поучаствовала в престижной художественной выставке, и сама договорилась с директором известного салона о том, что Полинины работы станут выставлять и продавать там.

Как говорится, большое вам за это творческое мерси!

Да потому что именно с этого момента Поля стала зарабатывать действительно серьезные деньги, и с каждым годом все больше и больше. Правда, пришлось несколько лет, пока олигарх с женой-искусствоведом не уехали жить в Англию, обвязывать всю семью этой благодетельницы и отдавать почти за бесценок свои художественные изделия – закон-то мышеловки никто не отменял, как и законы богатых людей, обожающих наживаться на менее богатых. Но и бог с ними, Полину это нисколько не задевало.

Вот именно в этом художественном салоне и увидела Алина ее работы – две картины, вышитые крестом шелковыми нитями, вязанную крючком круглую скатерть и вязанный шелком букет роз. Она купила все сразу, совершенно обалдев от этих вещей, и выудила каким-то невероятным образом из директора салона координаты Полины – каким, не признается до сих пор. Хоть пытай.

Директор-то одного из известных салонов, разумеется, мужик тертый и прекрасно понимал, что может потерять художника, произведения которого никогда не залеживались и продавались как горячие пирожки. Даже образовалась некая группа покупателей, которые ждали новых поступлений – именно Полиных изделий и всегда их разбирали. Била Алина его, что ли, там, раз он раскололся?

Почему-то Полина очень четко, в деталях запомнила первую встречу с Алиной. Прежде чем отправиться на это деловое randevu, она прочитала о дизайнере Глаумовой все, что смогла найти в Интернете и в специальных журналах, и сильно впечатлилась, даже сомневалась, какое у них может получиться сотрудничество: Глаумова – это имя, она даже в Европе интерьеры делала, хотя там своих дизайнеров завалишь, а вот поди ж ты, приглашала. А на родине так и вовсе с такими клиентами работает, что ой-ей-ей! И что Полина? Студентка двадцати лет, ну

здорово вяжет-вышивает. А потом подумала: вообще-то это знаменитая Алина Глаумова меня разыскивала и настаивала на встрече, значит, чего-то стою! Помедитировала так немножко, взбодрилась и пошла!

И зря она трепыхалась душевно!

Они договорились встретиться в известной кофейне и отчего-то сразу друг друга узнали, хотя обе в предварительном телефонном разговоре забыли описать, как выглядят.

– Я Алина, – представилась женщина, сразу же безошибочно подойдя от входной двери к столику, за которым сидела Поля.

На женщину Полина засмотрелась – возраст не определить, лишь мудрые глаза выдают, что около сорока где-то. Энергичная, решительная, стремительная, невысокая и плотненькая, но полнота ей необычайно шла, совсем короткая стрижка, незаметный макияж, интересные большие серьги, явно авторской работы, колье на шее и кольца на пальцах в одной стилистике с серьгами и необыкновенный, яркий, но в то же время элегантный наряд.

Она Полину просто поразила! Очаровала и ошеломила напором.

Эта смелость наряда, кипучая энергия, удивительные темно-карие веселые глаза, улыбка и исходящая от нее мягкая деловитость.

– Поленька, – женщина приступила к делу, как только села за стол и сделала заказ тут же подошедшей официантке, – я хочу предложить вам сотрудничество, надеюсь, интересное для обеих. Но для начала спрошу: как вы делаете эти вышитые картины? Я такой технологии и такой ювелирной тонкости работы никогда не видела. А я видела, поверьте мне, многое.

– Это действительно особая, уникальная техника. Меня научила бабушка, а ей мастерство перешло от ее бабушки, которую обучила некая известная французская вышивальщица, – пояснила Полина и задорно улыбнулась. – Правда, этот факт в нашей семье стал почти легендой и оброс всяческими невероятными подробностями.

– Полина, у вас совершенно невероятная улыбка! – ошарашила прямым восхищением дизайнер.

– Да, мне говорили, – рассмеялась Поля.

– Извините, если обескуражила, со мной такое бывает, – усмехнулась в ответ женщина. – Ну так что там дальше про вышивку?

– Это очень трудная и кропотливая работа, – продолжила пояснения Поля. – Сначала необходимо найти нужную картинку, ведь такой трафарет никто не производит. Прабабушка моя, например, сама рисовала и переносила на ткань, бабуля перерисовывала контуры, а дальше вышивала по образцу. Ну а я нахожу то, что нравится, и отдаю в специальную студию, где мне распечатывают схему на нужной ткани. Вы, я так понимаю, купили современную мадонну и девушку с пионом?

– О да! – кивнула Алина. – Повесила на самое видное место и никому не отдам! Они великолепны.

– Спасибо, – улыбнулась похвале Полина. – Так вот, ткань, на которую наносится картина, должна быть тонкой, но плотной, нитки – специальный, очень тонкий шелк, я их во Франции заказываю в одном магазинчике. Иглы тоже особые и очень тонкие. Делать вышивку можно только при дневном свете, на специальных пяльцах. При искусственном свете оттенки нитей становятся другими и глаза сильно устают. Вот, пожалуй, и все.

– Да, не считая безумно кропотливой работы и усидчивости, – поддержала Алина. – А этот букет роз?

– Тоже шелковые нити, но плотные. Вывязываются отдельные детали очень тонкими спицами, потом стебли крепятся на каркас из толстой проволоки, а сам цветок собирается лист к листку. Это намного проще, чем вышивка.

– Ну да, – скептически заметила дизайнер и спросила: – А что вы еще делаете?

– Я вам покажу, – полезла в сумочку Полина, – специально взяла небольшой каталог своих работ.

– Я так понимаю, что есть еще и большой каталог? – уточнила Алина, принимая от Поли альбом с фотографиями.

– Есть, но он дома.

– Поля, вы занимаетесь только рукоделием или еще чем-то? – расспрашивала Алина, рассматривая фотографии.

– Учусь на третьем курсе Университета дизайна и технологий на факультете «Прикладное искусство и народные промыслы».

– Умница! – энергично похвалила Алина, решительно захлопнула альбом и заявила: – Поехали!

– Куда? – обескураженно поинтересовалась Полина.

– К вам домой. Покажете мне все каталоги, все свои работы, и я расскажу вам, что нас с вами ждет впереди.

– Что? – рассмеялась колокольчиком Полина.

– Интересная, насыщенная жизнь и большие дела!

Работа с Алиной оказалась и на самом деле интересной и очень насыщенной творчеством, познанием нового.

Надо повториться, что дизайнером Алина Глаумова была не рядовым, а известным и занималась оформлением загородных домов, вилл и участков весьма обеспеченных людей. За эти четыре года Полине по ходу работы пришлось с огромной радостью и интересом изучать прикладное искусство и традиции разных народов и направлений. А потому, что заказчики дизайнера Глаумовой были разные, но все с большими претензиями, прилагавшимися к большим возможностям и деньгам, одни хотели хай-тек, другие стиль прованс, третьи арабский стиль с повторением гаремных помещений, четвертые русский боярский уклад, ну, сами понимаете.

Для одного клиента Алина воспроизводила стиль английской загородной усадьбы. При чем мужик совершенно маргинального вида среднерусской полосы, а поди ж ты, Англия ему понадобилась, наверное, Конан Дойла начитался сверх меры. Это так Алина выразилась, а Полине он показался нормальным дядькой, ну, с заморочками, а кто без них.

Алина с Полиной несколько раз в Англию ездили за счет заказчика и мебель там подбирали антикварную и фурнитуру разную, и чего только оттуда не навозили. Ну, и пледы Поля вязала, делала вышивку на многочисленных наволочках и пододеяльниках. И самое кропотливое – на чем только можно: вензеля и монограммы семейства.

И ей было так интересно, что хотелось все время узнавать еще и еще про Англию, про уклад жизни, традиции. Девушка находила в Интернете и на дисках записи лекций по культуре и традициям этой страны и слушала часами, пока работала. И так каждый раз!

Полина испытывала такую сильную жажду познать что-то новое, окунаться в историю рукотворных вещей разных стран, что за эти годы выработала уже ряд привычек – как только Алина звала ее в новый заказ, она сразу же начинала глубокое изучение того стиля, в котором они собирались работать. И каждый раз погружалась туда, словно ухала с головой!

Университет за это время Поля окончила, два года назад, и не заметила даже как – вся находилась в работе, а экзамены сдавала, как песню пела, – легко и радостно. Красный диплом не получила из-за двух четверок, которые схлопотала по профильным предметам на втором курсе. Да и бог с ним, с красным. Хотя преподаватели предлагали пересдать. А зачем? Она и в институт-то особо не рвалась, ей в семнадцать лет казалось, она уже знает и умеет все, что ей надо в этой жизни, и деньги зарабатывает побольше родителей. На фига тогда эта учеба? Но мудрая бабушка Анна Викторовна настояла с помощью смеси легкой тирании, уговоров и намеков на свои нервы, которые нельзя терять.

И, как всегда оказалась, права!

А потому что выяснилось: любительское рукоделие – дело, никто не спорит, хорошее, но если ты просто тупо вяжешь и вышиваешь и не знаешь технологии материалов, их сочетаемости и свойств, не знаешь истории и новшеств того, чем занимаешься, не знаешь, как можно сочетать и варьировать технологии, какие существуют новейшие достижения и материалы, не освоишь рисунок и композицию, дизайн и еще многое, необходимое действительно серьезному специалисту, – то так и останешься навсегда кофточка с пледиками вязать и продавать их за копейки.

За эти четыре года работы с Алиной Полина, считай, что еще один университет окончила, так каждый раз приходилось ей погружаться в историю других государств, в их искусство и промыслы. И объездить много стран, познавая их культуру, облазить невероятное количество блошиных рынков, магазинчиков, музеев и выставок.

Интересно! До щенячьего восторга!

Вот и сейчас у них новый проект, очень объемный, именно для Полины – средиземноморский! Кра-со-та!!

Люди хотят настоящего солнечного тепла, много света, много текстиля, вышивки, вязаний, даже плетение циновки будет! Так что ждет поездочка по Средиземноморью. Уже все продумано, куплено множество книг по укладу жизни в этом регионе, и лекции скачаны, и даже два диска документальных фильмов приобретены.

Ура! Работа! Какое счастье!

Поля улыбалась, думая об этом и немного предавшись воспоминаниям, чуть прислушиваясь к голосам, доносившимся из прихожей. Поставила в центр стола блюдо с угощением – сегодня рано утром встала и специально напекла для Алины. Ей всегда хотелось ее угостить, побаловать, настолько благодарным и преданным ценителем она была.

Алина обожала кулинарию Полины, всегда искренне восхищалась даже незамысловатой стряпне, поражаясь, как такое вообще можно сотворить. И каждый раз вспоминала, что пора на диету и не есть после скольких-то там, и вообще «где моя фигура», но все это были привычные стенания, не имеющие ничего общего с реальной жизнью, в которой Алина с удовольствием баловала себя вкусняшками, а уж Полиниными и подавно!

Вода в милой эмалированной кастрюльке почти закипела, и Полина поспешила снять – травки эти лучше не заваривать крутым кипятком, они многое теряют, нужно укутать ненадолго и дать потомиться, чем девушка и принялась заниматься. Обдала изнутри горячей водой чайник, выплеснула в раковину, насыпала смесь, залила и надела сверху «чайную бабу», которую сама и сделала для Алины года три назад, – симпатичную, веселую куклу, очень похожую на хозяйку квартиры. Даже прически у них были одинаковые – коротенькие стрижки жестких непослушных волос.

И повернулась к двери, краем глаза уловив там какое-то движение.

Незнакомый мужчина остановился на пороге, и с Полиной что-то случилось! Какая-то непостижимая тайна произошла с ней в этот момент – она смотрела на него, и казалось, что все вокруг провалилось куда-то. Было непонятно, почему Поля не может оторвать от него взгляда и откуда она его знает...

«О господи! – прошептал кто-то в ее голове и повторил, как молитву: – О господи!»

Еще двигаясь по коридору в кухню, Клим увидел девушку, стоявшую у столешницы, и сразу понял, что это та самая незнакомка, так понравившаяся ему со спины. И он заранее улыбнулся, радуясь такой неожиданной удаче и возможности все-таки узнать, как она выглядит в лицо и в полном комплекте, так сказать.

Клим шагнул в кухню, девушка повернулась...

И что-то случилось с ним.

Каким-то непостижимым образом все вокруг исчезло, и он видел только эту девушку, ее распахнувшиеся от удивления выразительные серые глаза, лицо, скорее образ, а не конкретные черты... Смотрел на нее и не мог пошевелиться.

«Замечательная, – подумал он, чувствуя, как внутри растекается незнакомое нежное тепло. – Я знал, что замечательная».

Они стояли и смотрели, смотрели друг на друга очень долго, бесконечность...

– Знакомьтесь! – вышла из-за спины мужчины и весело сказала Алина.

...А оказалось, прошли мгновения. Мир вернулся на место.

– Это Полина Юдина, наша прекрасная рукодельница, – указала хозяйка рукой на девушку и перевела ладошку на мужчину, – а это Клим Иванович Ставров, лучший в мире кузнец.

– Здравствуйте, – пролепетала Полина, улыбнулась и отвернулась к плите, не зная, куда деться от навалившегося смущения. – Я чай заварила.

– О! – порадовалась ничего не заметившая Алина. – Замечательно! Сейчас чай с пирожками пить будем! – Потом, резким движением сложив ладошки на груди, повернулась к мужчине и, закатив от восторга глазки, принялась нахвалять: – Клим, ты не представляешь, как она готовит! За Полину еду можно сто раз Родину продать! А за рыбник, который она делает, и просто умереть! От счастья! Я не шучу!

– По-моему, ты преувеличиваешь, – совсем засмущалась девушка.

– И вот нисколько! Наоборот, словами передать вкусноту твоих шедевров невозможно! А вот лишиться разума от кайфа – вполне! – настаивала хозяйка.

А Клим улыбался, слушая Алину, и разглядывал девушку. Не очень высокая, нормального среднего роста, и фасад у нее оказался высший класс! Белая футболка с интересной вышивкой спереди обтягивала торс, демонстрируя во всей красе прекрасную грудь достойного размера, тонкую талию и высокую стройную шейку. Лицо классического овала, красивые брови дугами, удивительные большие серые глаза, милый, немного вдернутый носик, полные губки и... обалденные ямочки на щеках, когда она улыбается, делавшие ее и задорной, и невероятно притягательной.

А еще, совсем уж позабытое, – настоящий румянец! Девушка смутилась, и от этого ее румянец из нежно-розового налился алым. И при этом она не переставала улыбаться.

«Какая девушка!» – все с тем же, затухающим уже понемногу нежным теплом внутри подумалось ему.

– Так! Давайте пить чай! – тем временем руководила Алина. Она на удивление споро сервировала стол тарелочками, чашками с блюдами, выставив еще и вазочки с каким-то вареньем. – Тоже Поля готовила, – по ходу оповестила Клина хозяйка и настойчиво потребовала: – Да ты уже попробуй пирожок!

Клим неспешно сел на указанный стул, устроился за столом, подождал, пока Алина нальет ему чаю из большого английского чайника, положил себе на тарелочку два маленьких пирожочка...

– Их надо целиком класть в рот и раскусывать только там, – наблюдая за его действиями, подсказала Алина.

Клим последовал совету знающего человека, положил пирожок в рот и надкусил, даже скорее раздавил, таким нежным он оказался. И во рту случилась революция вкуса! Сначала взорвались какие-то кисло-сладкие маленькие шарики, и тут же эта субстанция перемешалась с удивительным нежнейшим картофельным пюре с непонятными, но очень классными вкусовыми оттенками. И вместе получилась ну просто бомба обалденного, невероятного вкуса!

– Очень вкусно, – проглотив и запив травяным настоем, сказал наконец Клим и улыбнулся, заметив, как смотрят на него обе женщины в ожидании оценки.

– Просто «очень вкусно»? – возмутилась всем своим видом Алина.

– Не просто «очень», ты права, – согласился Клим, – необыкновенно. Я такого в жизни не пробовал.

– Вот! – довольно кивнула Алина. – Удивительно и вообще полный отпад!

– Согласен, – поддержал с улыбкой мужчина и посмотрел на Полину: – А что там внутри, я не понял?

– Я тебе расскажу! – вместо Полины вмешалась хозяйка. – А то она себя хвалить не умеет. Значит, так, знаешь, что такое зразы?

– Такие картофельные пирожки с начинкой, – припомнил он.

– Да, они. Так тут начинка из моченой брусники с медом, в том смысле, что Поля бруснику засолила по какому-то старинному рецепту, потом добавила туда меда, а тесто сделала из картофеля с какими-то приправами и секретами, которые знает только она.

– Нет там никаких секретов, – рассмеялась девушка.

А Клим поплыл. Мало того что у нее все уже отмеченное и оцененное им ранее – и фигурка, и стать, и эти глаза колдовские, и ямочки на щеках очаровательные до не знаю чего, и румянец, так ее красивший. Он заметил и то, что девушка почти все время улыбается потрясающе обаятельной улыбкой, но когда она засмеялась... Смех у нее оказался тихим, но таким серебристым, переливчатым, как перезвон колокольчиков. Клим даже приятными щекочущими мурашками пробило по позвоночнику и, разумеется, куда-то в область паха. Ну вот так.

– Есть, есть! – утвердила Алина. – У тебя во всем, что ты делаешь, секретки, тайна, загадка. Какой я кулинар, ты знаешь, – с большим скепсисом на слове «кулинар» произнесла Алина. – Поэтому для меня этот вид деятельности вообще сплошная магия. А уж твои шедевры!

– Все, все! – махнув на хозяйку двумя руками, поднялась из-за стола Полина. – Ты меня совсем засмущала. Пойду поработаю немножко, не буду вам мешать.

– Нет, нет, – взяла ее за руку Алина. – Останься. Во-первых, ты нам не можешь помешать, над одним работаем, а во-вторых, еще раз посмотрим весь проект, может, что-то интересное подскажете, предложите.

Следующий час Алина с Климом обсуждали его часть дизайна – то есть все кузнечные работы, как на участке, так и в самом доме. Полина слушала внимательно, рассматривала все эскизы проекта и вязала.

С четырнадцати лет она привыкла постоянно что-то делать руками, готовить, например, что очень любила, иногда шить, но в первую очередь и практически постоянно – вязать, вышивать.

Она вязала всегда и везде, при любой возможности: в метро, когда получалось сесть, в автобусах и маршрутках, в электричках, в очередях. У телевизора, на уроках и лекциях, и когда что-нибудь слушала, Полина даже в кинотеатры вместо попкорна брала с собой вязание, самое простое, которое делала в темноте, не глядя.

Это стало частью ее личности, сути – постоянно занятые делом руки. Однажды, в семнадцать лет, зимой она поскользнулась на улице и очень неудачно упала на правую руку. Не сломала, но ушиб получила серьезный, и врачи запретили нагружать руку и тем более вязать. Поля думала, что с ума сойдет! Из всех занятий ей оставалось только читать! Но невозможно же это делать весь день, а смотреть телик, слушать музыку, общаться с людьми, даже в метро ездить без привычного вязания было тяжело. Ее всю просто коржило какой-то жесткой неуютностью в пространстве, неприкаянностью, ощущением инвалидности – Полине казалось, что ей отрезали руки! Еле выдержала!

Однажды, лет в пятнадцать, она поняла: очень удобно вязать в общественных местах. Правда, правда! Людям кажется, что человек, который вяжет, все время смотрит только на спицы, думает о чем-то своем, может, петли считает или ряды, и совершенно не обращает внимания на них. А ничего подобного! Полина, например, большую часть работы на спицах

делала вслепую, даже петли считала не глядя, что давало возможность наблюдать за людьми и всем, что делается вокруг.

И это очень часто прямо-таки помогало! Значит, все происходит таким образом – сначала, когда ты достаем вязание и принимаешься работать, окружающие смотрят на тебя с удивлением и большим вниманием, минут через десять они начинают воспринимать тебя с работой как нечто естественное, а когда подсознательно решают, что ты занят и безопасен им, потому как ничего не видишь вокруг, расслабляются и перестают тебя замечать.

А Полина наблюдала и видела, кто агрессивный и пытается устроить конфликт в очереди или в транспорте, кто хам, а кто жертва, от кого ожидать неприятностей, а от кого нет. Во-первых, это вырабатывает внимательность и навыки психологического анализа, а во-вторых, можно подготовиться к возможным конфликтам и благополучно их избежать. Рекомендовала бы всем – попробуйте, очень помогает!

И сейчас, пользуясь этим приемом и тем, что Алина с ее гостем полностью погрузились в обсуждение работы по проекту, выпав из их разговоров, Поля исподволь рассматривала мужчину.

Он ей не просто понравился с первого взгляда, он стал звучать внутри нее, и она это слышала, словно он колокол, на который отвечает, звеня резонансом, что-то в ней. То непонятное, странное, что случилось с ней, когда она его впервые увидела, конечно, прошло, оставив удивление и загадку в памяти, но впечатление, которое Клим произвел на нее, не исчезло.

Он был достаточно высокий, этот Клим, за метр восемьдесят, крепкого телосложения, но не накачанный и не толстый, скорее даже худощавый, вот только в плечах и руках чувствовалась скрытая мощь, ну, это понятно: кузнец все-таки. Стрижка такая, немного длинноватая на густых темно-русых волосах, к его лицу очень шла. Черты лица вполне обычные, мужественные, а прямой нос и твердый подбородок говорили о сильном характере. И темно-зеленые внимательные глаза, которые заворожили Полю в первый момент встречи.

Вообще надо честно признать: необыкновенный мужчина, сделала вывод Полина. В наше скоростное, суетливое и во многом пустое время таких мужчин практически нет – степенных и уравновешенных. Он излучал спокойствие и надежную неспешность, обстоятельность – не делал торопливых движений, говорил мало, но весомо и по существу, и эта излучаемая им уверенность в себе, в правильности дел своей жизни, чувство внутренней гармонии с миром производила странное впечатление – что Клим намного старше и мудрее своих лет, знает и постиг нечто такое, что недоступно остальным людям. И это притягивало.

«А сколько ему, интересно, лет? – присмотрелась Полина. – За тридцать, точно, но сорок – вряд ли. И у него очень красивое имя, совсем редкое, но ему идет, и эта фамилия: Ставров, что-то из преданий, древности, – и вздохнула про себя печально: – Наверняка женат на какой-нибудь зашибенной красавице. А если не женат, то куча красавиц вокруг, понятное дело».

– А что мы решили, напомни, какой у нас будет трикотаж в этой комнате? – обратилась к ней Алина.

Полина так увлеклась разглядыванием мужчины и размышлениями о его богатой и разнообразной личной жизни, что совсем уж не слушала разговор, и Алинин вопрос застал ее врасплох.

– Что? – переспросила она.

– Понятно, – усмехнулась дизайнер. – Призадумалась девушка о чем-то своем. Мы пытаемся придумать, какие светильники делать на веранде и в комнатах. Клим предложил такие же, как на участке, но меньше размером, а мне кажется, сюда просится что-то другое. Вот я и спрашиваю, какой мы с тобой решили трикотаж здесь делать? Надо бы стекольщикам на лампы подобный рисунок заказать.

– А покажи уличные светильники, – заинтересовалась Поля.

– Ну вот, – поменяла картинку в ноутбуке Алина и принялась пояснять: – Эти вдоль дорожек будут, эти в беседке, а такие над входом. А вот веранда, и вот здесь и здесь я думаю поставить свет, ну и, разумеется, в комнатах. Там не нужно слишком много ковки, будут и иные световые приборы, но кое-где она просто необходима.

Полина смотрела на экран, по которому, задумавшись, «путешествовала» Алина. В трехмерном измерении здесь представлен дом и его будущая отделка.

– Слушай, а что, если взять марракешские лампы за основу? – вдруг возникла у Полины идея. – Ну, помнишь те, традиционные, старинные, кованные из латуни, а на гранях кожу верблюжью на растяжках делают и кожаными шнурами к ребрам крепят? У тебя здесь есть? – ткнула она пальчиком в экран.

– Не знаю, надо посмотреть, – принялась быстро листать страницы на экране Алина.

– У меня точно есть! – подскочила Полина с места и помчалась в прихожую, оттуда громко поясняя: – Я совсем недавно их просматривала!

Она вернулась с планшетом, встала между Климом и Алиной и принялась искать нужную страницу.

– Сейчас, сейчас. Ага, вот они! – Она положила на стол планшет и наклонилась.

– Присаживайтесь, Полина, – поднялся со стула и галантно уступил ей место Ставров.

– Спасибо, – кивнула Поля, села и принялась пояснять свою идею, показывая снимки, укрупняя и пролистывая их. – Вот смотри, если, скажем, сделать размером меньше, чем оригинальные, а вместо кожи или стекла использовать либо вязаные полотна, либо вышивку по грубой мережке с таким же рисунком, как на пледах или ковриках, ну, или подобный? А?

– Как на мережке? – быстро спросила Алина.

– Берем грубую нить и натягиваем, как канву, – ну, как зашнуровываем, а на ней уже вышиваем любой узор. Или вязаное полотно и тоже на таких же креплениях толстыми нитями, можно из кожи, притягиваем к основным ребрам лампы. Правда, надо будет придумать внутри ребра какие-то держатели, крепления для нитей. Это вообще возможно? – спросила она у Клим, запрокинув голову и посмотрев на него снизу вверх.

– Без проблем, – скупое ответил он.

– Ну, интересная идея, – задумчиво протянула Алина, забрала у Полины планшет и уже с другим настроением принялась рассматривать фотографии. – Клим, как думаешь?

– Простая ковка, но может получиться интересно, – высказал мнение он.

– Вот что, ребята, – решила Алина, – давайте-ка сделаем одну для пробы. Поль, на одной стороне сделаешь вязание, на другой вышивку, я посмотрю и решу. Как быстро вы сможете это сделать?

– Я быстро, за день, ну два, чтобы подобрать и крепления, но мне нужна готовая уже лампа, – ответила Полина, и обе дамы посмотрели на Клим.

– Как получится, – подумав, не стал ничего конкретного обещать Ставров.

– Но к выходным сможешь?

– Постараюсь, – снова не дал обещания он.

– Тогда давайте подумаем, какие на ребрах делать крепления, – предложила Алина.

Они прикинули несколько вариантов и остановились на одном. Пока судили и рядили, попили еще травяного чая, который заново заварила Полина, и, придя к устроившему всех троих варианту, решили, что на сегодня пора закругляться. Тем более что у каждого были намечены еще дела и встречи. Алина вручила Полине размеры и эскизы расцветок того трикотажа, который намеревалась использовать в дизайне, они быстро обсудили вопросы по нему, пока Ставров разговаривал с кем-то по телефону.

И вот – прощание: расцеловались с Алиной, и гости вышли из квартиры. Полина осталась наедине с мужчиной в лифте и отчего-то ужасно нервничала, переживая этот момент, чувствуя какую-то незнакомую скованность, отчего не могла даже говорить, – попробовала было, вдох-

нула, но закашлялась и совсем глухо замолчала. И это было еще хуже, чем просто неуютность и даже глупое девчачье тархтение ни о чем.

Но пытка лифтом быстро закончилась, они прошли по холлу, Ставров распахнул перед ней двери, пропуская барышню вперед, и они вышли из подъезда.

– Дайте свой номер телефона, – попросил он, доставая из кармана смартфон, – я позвоню вам, как только сделаю лампу.

– Да, конечно, – порадовалась разбитому наконец удушающему ее молчанию девушка и быстро продиктовала номер своего телефона.

– Вас подвезти? – спросил Клим, убрав смартфон в карман пиджака и указав рукой на припаркованный к тротуару большой красивый автомобиль.

Полина посмотрела по направлению его руки. В марках машин она не разбиралась, но джип от других автомобилей, понятное дело, отличала. А этот был прямо такой Джип Джипович – высокий, серьезный, на больших колесах, цвета металлик. Ей подумалось, что он и его хозяин друг другу очень подходят и даже похожи в чем-то, наверное, этой спокойной уверенностью в себе и в жизни.

– Нет, спасибо, – поспешно отказалась Полина. – Мне пешком удобнее, к тому же надо ходить, а то я слишком много сижу.

Полю мучили противоречивые чувства – с одной стороны, ужасно хотелось остаться с ним рядом подольше: поговорить, расспросить, послушать, а с другой – ее никак не отпускала эта странная неуютная скованность и смущение. Непонятно почему, непонятно отчего... И это дурацкое смущение на данный момент побеждало ее по всем фронтам, будь оно неладно!

И откуда только это взялось?! Полина недоумевала, почему это с ней вдруг происходит такое смятение чувств, как сказала бы бабушка!

Никогда, вот ни разу в жизни – честное слово! – она не испытывала такого тяжелого смущения в присутствии мужчин! Скорее всего, потому что никто из них не вызывал в ней женского интереса и ото всех она старалась держаться на определенном душевном расстоянии и ни к кому не испытывала каких-то особенных чувств.

Она не ограниченная, туповатая мармулетка и не тепличный цветочек, хотя такое и можно предположить по ее внешности и вечной улыбочивости, но с реальной жесткой жизнью ей, увы, приходится сталкиваться гораздо чаще, чем многим, и чем хотелось бы. Но ни страха в мужском присутствии, ни смущения и неловкости или стеснения она никогда не чувствовала.

А тут прямо как напасть какая-то!

Все это промелькнуло в голове, пока они, снова молча, как в лифте, шли рядом от подъезда и уже почти поравнялись с машиной Клима. Полина все поглядывала на него украдкой сбоку, понимая, что вот сейчас они расстанутся, а ей хотелось на него смотреть.

И вдруг...

На них обрушился ливень!

Ни одной большой предупреждающей капли не уронили тучи, ни порывов шквалистого ветра, как правило, предшествующих такому ливню, – ничего предвещающего, или они просто весь этот «этикет» пропустили! Но вода просто обвалилась сверху, делая больно голове и плечам, словно небо упало. От растерянности Полина приподняла плечи, втянула голову и развела руки в стороны, как непроизвольно делает любой человек, когда на него неожиданно выплескивают ведро воды.

– Быстро в машину! – крикнул ей Ставров, неожиданно оказавшись впереди.

И не успела она сообразить, что делать, и вообще о чем он, как Клим, на ходу отключив сигнализацию, ухватил девушку под локоть, широко и стремительно шагая, протаскивал за собой несколько метров, распахнул пассажирскую дверь джипа и как-то очень ловко и спорно затолкал Полину в машину. Захлопнул за ней дверь и совсем не бегом, а размеренно, но быстро обошел капот и сел на свое водительское кресло.

– Оказывается, вы можете быть очень стремительным, – звонко и как-то задорно рассмеялась Полина, смахивая ладошкой капли с носа и подбородка.

– Когда обстоятельства этого требуют, – кивнул Клим, непроизвольно улыбнувшись. – А что, я произвожу впечатление нерасторопного, медлительного человека?

– Вы производите впечатление обстоятельного и весьма степенного человека, – вся в неожиданно радостных эмоциях, улыбалась ему Полина.

И вдруг полезла в глубины своей большой красивой сумки, покопошилась там, достала и протянула упаковку бумажных носовых платков.

– Вот, – сказала девушка. – Вы промокли.

– Вы тоже, – напомнил он, платочки взял и поблагодарил: – Спасибо!

– Пожалуйста, – смотрела она на него, улыбаясь своими серыми глазищами, в которых плескалось веселье.

– У вас необыкновенная улыбка, – вдруг сказал Ставров, глядя на нее. – Очень очаровательная. И смех красивый, приятный. Вы всегда улыбаетесь?

Полина рассмеялась, даже голову запрокинула, а потом повернулась к нему:

– Спасибо, но вы немного прямолинейны.

– Мне так удобно, – усмехнулся Клим. – Я вообще-то не очень разговорчивый, а прямо, без экивоков, оно всегда как-то проще.

– Я заметила, – ослепила его улыбкой и своими ямочками она. – А улыбаюсь я часто, меня бабушка научила, что людям и жизни надо улыбаться, тогда и они тебе улыбнутся.

– Сколько вам лет, Полина? – задал он неожиданный вопрос.

– Двадцать четыре. А вам?

– Тридцать шесть, – ответил Ставров, отвернувшись, достал салфетку из пакетика и начал вытирать лицо.

И стало ясно, что разговор почему-то прервался. Полина снова порылась в своей красавице сумке, извлекла из нее два батистовых платочка с кружевами по бокам и вышитой монограммой и тоже принялась вытирать лицо.

Лица и руки они вытерли, платочки убрали и замолчали.

Ливень барабанил упругими струями по корпусу машины, вода лилась по лобовому стеклу сплошным потоком, словно его из шланга поливали. И почему-то молчание, которое повисло сейчас в салоне машины, не напрягало и не давило, а казалось естественным. Было уютно, тепло и сумрачно от черных туч, вокруг бушевала стихия, а они вдвоем оказались отрезаны от мира и слушали шум разгулявшейся природы.

И вдруг ярко, ослепляя, полыхнула где-то совсем рядом молния, и почти сразу лупанул такой острый, яростный треск грома, что этот звук показался неестественным, невозможным, бьющим по барабанным перепонкам. И заверещали истошно сигнализации всех стоявших во дворе машин. Полина вздрогнула, а Ставров только поежился.

– Испугались? – заботливо спросил он, положив ей успокаивающе руку на плечо.

– От неожиданности, – призналась Полина.

И наклонилась вперед, пытаясь что-то рассмотреть за сплошной стеной воды, и в этот момент отчего-то вдруг почувствовала себя так спокойно, словно сделала что-то очень правильное, как бывало всякий раз, когда Поля заканчивала очередное произведение, раскладывала его в самом выгодном ракурсе, смотрела и чувствовала радость в душе. Или это большая, сильная и теплая рука Клим так ее согрела?

– Когда я была маленькая, то ужасно боялась грозы, – откинулась на спинку сиденья Полина и, глядя в лобовое стекло, залитое потоками воды, стала рассказывать: – На каникулы меня часто возили к бабушке, маминой маме, иногда и на все лето оставляли. Она живет в небольшом городке под Тулой, у нее свой дом, сад, огород, смешные маленькие рыжие курочки и коза. Село селом, если честно, большую часть составляют частные домики с садами-огоро-

дами и хозяйствами, но и все атрибуты города наличествуют, правда в миниатюре. Там очень красивые места: много зелени, деревьев, лесов, поля-луга вокруг, просторы и главное – речка. Большая речка, а по берегам шикарные песчаные пляжи тянутся на километры. Народ туда отдыхать ездит со всей области и из Тулы в том числе. Но отчего-то в этой местности очень часто бывают грозы. Говорят, какие-то пласты железной руды залегают под землей, вот они и притягивают грозы с молниями, или магнитные аномалии, про которые тоже упоминают. Не суть, главное, что грозы в тех краях часто бывают, даже зимой. И я ужасно, просто ужасно их боялась и где бы ни находилась в тот момент, когда начинало громыхать, с неистовым, оглушающим визгом неслась домой, стрелой пролетала прямо в гостиную, залезала под стол, закрывала глаза и визжала при каждом раскате грома. И никому не удавалось меня оттуда выманить и успокоить. – Она повернулась к Климу и улыбнулась. – Однажды приехали на выходные родители, и мы все отправились на пляж. Замечательный пикник устроили, расстелили подстилки, принесли всякой еды, приемник. Играла музыка, жарили шашлык, плавали. Я была в полном счастье: во-первых, родители рядом, во-вторых, можно купаться сколько угодно, вода была теплющая, и папа учил меня нырять, подкидывая вверх, а в-третьих, всякие угощения и просто детское счастье. И я так наотдыхалась, что заснула у папы на руках и не видела, как быстро напоззли тучи и все начали торопливо собираться, проснулась только тогда, когда громыхнул первый гром и начали падать огромные тяжелые капли дождя. И все побежали под деревья, а я от испуга вырвалась из папиной руки и кинулась в другую сторону по пляжу, орала во все горло без остановки. Вот так бежала и кричала, а за мной папа, мама и бабушка, кричали что-то вслед и пытались остановить. Но я очень быстро бегала, да еще подгоняемая ужасом. И вдруг прямо передо мной, сантиметрах в тридцати от моих коленок, в землю ударила здоровенная молния. И меня какой-то силой, говорят, электрическим разрядом, который скопился вокруг нее, откинуло назад. Я пролетела пару метров, приземлилась на попу и перестала наконец орать. Зато теперь заорали все вокруг и принялись меня теребить, передавать из рук в руки, и мама фотографировала зачем-то меня со всех сторон. А я смотрела неотрывно на то место, куда шандарахнула эта молния, и не могла отвести глаз. Меня бегом отнесли домой, вызвали доктора, который ничего страшного не обнаружил, кроме легкой формы измазанности ребенка, стоявших дыбом волос, сгоревших ресниц и бровей, временной потери слуха и шока. Я молчала весь день, не реагируя ни на чьи обращения и вопросы, чем ужасно пугала взрослых, а потом просто уснула.

Она очень интересно рассказывала. Не просто перечисляла факты, а красиво строила, расцвечивала фразы, говорила размеренно, но эмоционально, помогая себе мимикой. И ее голос! Он был такой теплый и терпкий, как сладкое, обволакивающее и немного шершавое послевкусие в горле после чашки горячего шоколада с ванилью и острой гвоздикой. Он слушал ее, смотрел и думал, что вот, наверное, именно так приходит Судьба, вроде бы как в самой будничной обстановке, в деловитости дня и обычности дел вдруг происходит нечто, что меняет твою жизнь. И совершенно неизвестно, что впереди и что из всего этого получится, может, очередное разочарование. Но жизнь изменится и станет другой однозначно.

– А ранним-ранним утром, еще только светать начало, – рассказывала Полина, – меня осторожно разбудила бабушка, тихонько одела, чтобы никто не проснулся, взяла зачем-то лопату из сарая и повела на речку, прямо к тому самому месту. И почему-то стала копать. И я заговорила, словно и не молчала накануне весь день, спросив: «Бабуля, а зачем ты копаешь?» – «Сейчас увидишь», – пообещала загадочно она, встала на колени возле ямы, которую уже выкопала, и достала оттуда странную большую стеклянную рогулину какую-то. Толстый, кривой, короткий ствол, от которого в две стороны шли ветки, а на них были еще веточки. Похоже на кусок засохшего дерева, только стеклянный и почти прозрачный. Я смотрела завороженно и шепотом спросила: «Бабуля это что?» – «Это?» – переспросила она, загадочно улыбаясь. – «Это твое счастье и удача». – «Как это?» – все шептала я, чувствуя, что нахожусь в

сказке. А бабушка мне объяснила, что это застывшая молния. В народе считается, что если молния ударила совсем рядом с человеком, то это значит, что его сам Бог пометил и благословил. Человек этот необыкновенным становится, и удача будет сопутствовать ему всю жизнь. А еще она сказала, когда мы уже домой шли, что теперь мне не надо грозы бояться, она меня любит и все самое лучшее предвещает. Я тогда не очень понимала, что значит «предвещает», но переспрашивать не стала, решив, что это что-то очень хорошее. С тех пор я очень люблю грозу и пугаюсь, только если где-то совсем уж рядом громыхнет, от неожиданности. А рогулина стоит у меня дома, я на нее украшения вешаю, как на удобную вешалку, очень симпатично смотрится. – И Поля задорно улыбнулась.

– Сколько вам было лет? – спросил Ставров.

– Пять. Но я очень четко, в деталях, все помню, даже запах озона, и тот момент, когда молния входит в песок передо мной, как в замедленной съемке, и как я ослепла и оглохла на какое-то время. Говорят, что это такие особенности детской психики.

Он ничего не говорил, смотрел на нее, улыбаясь совсем чуть-чуть, и, по всей видимости, не имел намерения вступать в разговор. Повисла пауза.

– Клим Иванович, – вдруг призналась Полина, – я все болтаю, как балалайка, и мне от этого ужасно неудобно, а сейчас и вовсе замолчу, потому что вроде бы уже все рассказала и пора бы уже и помолчать, тогда нам уже обоим станет неудобно от тишины. Может, все-таки поговорим? – предложила и задорно усмехнулась она. – В том смысле, что я что-то рассказала, теперь ваша очередь. Диалог, так сказать, – изобразила она жестом речевой обмен.

А он снова засмотрелся на нее. Какая же она все-таки!.. «Как бы это сказать? Такая... – он старательно пытался подобрать определение, и одним словом не получалось. – Чудесная девочка», – отпустил Клим свои попытки самому себе объяснить, какой она ему видится и нравится.

– Я неважный рассказчик. Повествования мне не удаются. К тому же со мной не происходило ничего такого интересного, – усмехнулся Клим. – А вот у вас замечательно получается. Мне очень нравится вас слушать.

– Ну, хорошо, – развернулась она на сиденье к нему всем корпусом, подогнув под себя левую ногу. – Раз у вас не получается рассказывать, попробуем другим путем пойти: я буду спрашивать, а вы отвечать.

– Ну, давайте попробуем, – пожал плечами Клим, продолжая улыбаться ей в ответ, мимо-летно подумав, что еще никогда в жизни так долго не улыбался. Но рядом с Полиной невозможно было удержаться.

– Слушайте, мне давно хотелось узнать, а правда, что вы чертей гоняете и вообще нечисть вас боится? – с особым любопытством и заговорщицким видом спросила Полина.

– Я? – усмехнулся он.

– Ну, не только вы, а кузнецы вообще, – пояснила девушка, сделав руками объединяющий жест.

– Смотрите, лить перестало, можно ехать, – включив «дворники», заметил Клим и посмотрел на нее. – Пешком я вас не пушу, говорите, куда доставить.

– Теперь уж домой, – и она назвала адрес.

Ставров завел машину и начал медленное движение вперед, объезжая двор по периметру к арке.

– Ну, так что про чертей? – настаивала Полина.

– Мне лично никого такого гонять не приходилось, – ответил он, – и я не очень понимаю, о чем вы спрашиваете, Полина.

– Как о чем? – необычайно подивилась девушка, даже бровки приподняла. – О легендах и преданиях про кузнецов. Не может быть, чтобы вы не знали!

– Кое-что знаю, но по большей части это же просто фантазии, сказки и небылицы.

– Да вы что?! – воскликнула она с энтузиазмом. – И никакие не сказки! Кузнец в России всегда был фигурой легендарной, мистической и особо почитаемой. Не зря они селились за деревней, на окраине, и дома у них были самые большие, потому что их строили всем миром, с особым уважением и почтением. Неужели вы ничего не знаете?

– Ну, на окраине они селились, потому что имели дело с огнем, для пожарной безопасности поселения, а особое уважение к ним проявляли, потому что без кузнеца в селе не обойтись, – усмехнулся ее энтузиазму Клим.

– И это тоже, но кузнец значил для людей гораздо, гораздо больше!

– Расскажите мне, а я с удовольствием послушаю, – предложил Ставров.

– Ну, так сразу я всего и не вспомню, да и долгое получится повествование, но кое-что расскажу, – задумалась она на какое-то время и начала рассказывать: – Считалось, что кузнецы ходят рядом с богами, что они избранные и обладают многими знаниями, недоступными простым людям. В славяно-русской мифологии все кузнецы находились под покровительством бога-кузнеца Сварога. И, между прочим, вот просто так взять и стать кузнецом, потому что захотелось, человек не мог, надо было дар в себе открыть и проверить это дарование, тягу к этому ремеслу и испытания на, скажем так, «профпригодность» пройти. Вот вы как кузнецом стали? – поинтересовалась оживленно она.

– Тягу в себе открыл, – улыбнулся Клим.

– Ну вот, – кивнула Полина. – Тоже ведь не просто так. Это же не менеджером стать из офисного планктона и не охранником в магазине, это расположенности особой требует. А представьте в те времена, когда никакой механизации не существовало и все только руками делалось, вы представляете, что это за человек должен был быть, в какой физической форме?

– Представляю, я историю кузнечного дела изучал и делал некоторые реставрации прошлых технологий, – кивнул Клим, продолжая улыбаться: вот не мог перестать, слушая и глядя на нее.

– Тем более наверняка вам и все легенды про кузнецов преподавали! – удивилась она.

– Да, только я пропустил большую часть этих лекций.

– А вот и зря! – горячилась Полина.

Румянец полыхал, глаза зазорно горели, ямочки на щеках то появлялись, то пропадали. Клим даже отвернулся, подумав, что так и до аварии недалеко, если он не перестанет на нее так часто заглядываться.

– Вы знаете, что кузнец не только ковал, – тем временем зажигательно энергично принялась убеждать она, – но и мог врачевать болезни, устраивать свадьбы, ворожить, помогать найти свою любовь молодым парням и девушкам, а еще отгонял нечистую силу от деревни. И это не предания, так на самом деле было. Вы слышали про берестяные письма, которые находят под Новгородом? Самая обычная переписка людей, можно сказать, древние СМС, только переданные с посыльными, так вот во множестве этих писем упоминается о роли кузнецов и об особом их статусе и почитании. А в эпических сказаниях именно кузнец победил Змея Горыныча.

– А откуда вы так много об этом знаете?

– Ну, я в некотором роде народница, в том смысле, что у нас в университете отдельным предметом шел русский этнос и народные промыслы. Кстати, у нас на факультете и специальность была: кузнец. Ну, и я какое-то время серьезно увлекалась русским фольклором, легендами. Веды слушала, объездила полстраны с фольклорными экспедициями и сейчас участвую в работе этнического поселения, но это все другая тема. Но в тех деревнях и поселениях, где мы были, тоже много преданий о кузнецах рассказывают.

– Приехали, – оповестил Ставров и уточнил: – К какому подъезду?

– К третьему, – слегка ошарашенно ответила она и спросила: – Вы ни разу не спросили, куда ехать и где поворачивать.

– Я этот район хорошо знаю, недалеко мои родители живут.

– Да? – растерялась отчего-то Полина и спросила: – Ну что, тогда до свидания?

– Я позвоню, как договаривались, – пообещал он.

А Полина начала собираться, перехватывая поудобней сумку, разворачиваться, отстегиваться, распахивать дверцу, испытывая какую-то легкую досаду на то, что они так быстро доехали, и немного смущения от того, что тараторила без остановки и даже не заметила, как приехали, и... обнаружила Клима Ставрова, протягивающего ей руку, чтобы помочь выйти из высокой машины.

– Спасибо, – неуклюже, боком выбравшись из джипа, поблагодарила она куда-то ему в грудь.

– Я бы с удовольствием слушал вас, Полина, но мне надо ехать, – сказал Клим, глядя на нее сверху вниз. – Надеюсь, вы еще мне многое расскажете в следующий раз.

– Не знаю, – тихо ответила она, посмотрев ему в глаза.

– А я вас очень попрошу, – в тон ей так же тихо сказал он. – До свидания, Полина, я позвоню, как договаривались.

И шагнул в сторону, развернулся, обошел капот и сел на водительское место. А она только теперь спохватилась, спешно махнула ему в ответ через стекло и пошла к подъезду.

Поля зашла в квартиру, закрыла замок, привалилась спиной и затылком к двери и, улыбаясь, медленно, шепотом спросила себя:

– Я что... – вдохнула-выдохнула: –...влюбилась?

В тишине, почти звенящей, громко зазвучал смартфон в ее сумке. Полина аж подпрыгнула от неожиданности, успев и ладошку к заколотившемуся сердцу приложить.

– Тьфу ты, напугал! – поругалась она, но телефон достала. Понадобилась она так громко и срочно Алине. – Да! – ответила Полина.

– Ты где? – бодрым голосом поинтересовалась дизайнер. – Не отвлекаю?

– Дома уже. Не отвлекаешь, – доложила Поля, скинула обувь и прошла босиком в кухню.

– Ну, как тебе наш Клим Иванович? – поинтересовалась Алина.

– Замечательный, – разулыбалась Полина.

– Классный, правда? – довольно уточнила Глаумова. – А какой кузнец, полный отпад! Гений! Что угодно может сделать! Ты бы видела его дом: шедевр; кстати, я тоже свою дизайнерскую руку туда приложила. И мужчина хоть куда! Правда, не очень разговорчивый, но это скорее достоинство, чем недостаток. – И в своей обычной манере в один момент переключилась на другую тему: – Ладно, я чего звоню, по поводу большого пледа в спальную...

Они проговорили по рабочим вопросам минут пятнадцать. Потом Полина переоделась в домашнее и занялась обедом, не прекращая думать о кузнеце Климе Ставрове и о том, что с удовольствием посмотрела бы его дом, до такой степени погрузившись в эти мысли и совсем яркие, свежие, обдающие изнутри теплом воспоминания, что впервые в жизни спалила еду на сковородке.

Дорога была дальняя, знакомая до каждого кустика на обочине и не отвлекала от плавно текущих мыслей. Помощник Ставрова спал на заднем сиденье, а когда бодрствовал и не сидел за рулем, то слушал музыку в наушниках, или читал, или смотрел на планшете что-нибудь, скачанное из Интернета, давно привыкнув к малой разговорчивости начальника, особенно в дороге.

Клим думал об удачно сложившейся в этот раз поездке, о Серее, с которым получилось встретиться, поговорить, передать ему посылку из дома и письма от родных. И об их непрестом разговоре, и как Клим смотрел ему вслед, когда он уходил, видел и понимал, что у друга есть еще силы на все это, а злость, умножающая их, только копится с каждым днем. И хочется верить, что он и все мужики, с которыми они сейчас там как братья, не перегорят от этой злости в пепел.

Думал о делах и рабочих заботах, прикидывал, что и как надо сделать на следующей неделе, и о хозяйских делах насущных не забыл подумать-прикинуть.

Но больше всего он думал о Полине Юдиной.

Он думал о ней все эти дни после их встречи. Вспоминал ее необыкновенную улыбку и великолепные ямочки на щеках, и бархатный румянец, менявший интенсивность цвета от нежно-розового до почти алого, когда она смущалась, и милый, чуть вздернутый носик, и серебристый тихий смех, серые глаза, прямо зачаровывающие. И то, как она рассказывала ему о детстве. Вот смотрела этими, казавшимися ему бездонными, глазищами и говорила тихим терпко-сладким голосом, вызывавшим в нем странные эмоции и позабытое совсем младенческое ощущение солнечного счастья, правильности бытия и жаркое, почти болезненное мужское желание.

Она не была классической или экзотической красавицей, и слава богу! Холодная вычурная красота женщин Климу нравилась, разумеется, но скорее как прекрасное произведение искусства, которым любуешься, а не живой объект. А что делать с объектом искусства, сами понимаете. Хотя приходилось как-то, зарекался навсегда. В облике же Полины этой яркой, броской, изысканной красоты не просматривалось, но она была невероятно очаровательной, очень симпатичной и притягательной до умопомрачения.

К тому же фигурка. Климу никогда не нравились субтильные худышки, и он откровенно не понимал девиц, для которых излишним весом считалось все, за вычетом скелета. И среди своих друзей и знакомых не встречал таких мужиков, которым бы это нравилось, ибо были они все нормальными здоровыми мужчинами во всех отношениях.

Полина хоть и стройненькая, и такая у нее талия хорошая, но без торчащих костей, округленькая в нужных местах, а уж попка! Ну вся такая лакомая – он-таки сумел подобрать слово, каким хотелось ее вкусно назвать.

И самое совсем уже убойное – Полина Юдина оказалась весьма загадочной девушкой. Он это сразу почувствовал.

При всей ее кажущейся открытости миру, этой по-настоящему искренней улыбке и смешливости, от нее исходила некая загадочность, тайна и магнитное притяжение. Женская манкость. И этот ее колдовской голос, которым она ведет рассказ, – русалочий, переполненный тайной, утонченный и изысканный эротизм самой высшей пробы.

Наверное, она его околдовала, усмехался про себя Клим, раз и глаза ее кажутся бездонными, и голос зачаровывающим, а ее запах даже снился ему ночью. Утро, надо сказать, после той ночи было очень «бодрым» – пришлось под контрастным душем в себя приходить.

И все это ой-ой-ой и не то чтобы правильно!

Девчонка ведь совсем, двенадцать лет разницы! Но как здорово!

Ведь если вдуматься, припомнить, то, наверное, никогда он вот так не околдовывался, не тонул в женском голосе, запахе, глазах.

Вот все это Ставров передумал за несколько дней в разных вариантах, осозная и честно себе признаваясь, что испытывает к встреченной девочке нечто большее, чем простое мужское желание. Да и желание его куда как глубже и интереснее, чем обычно с ним бывает.

Клим позвонил ей в пятницу и сообщил, что они могут встретиться в воскресенье и он передаст ей готовую лампу.

– Ой, а я не могу в воскресенье! – так очевидно расстроилась она, что он даже улыбнулся.

– Тогда давайте попробуем встретиться в понедельник, – предложил альтернативу Клим.

– В понедельник я тоже не могу, – покаянно пожаловалась она.

– Тогда попробуем во вторник, – вздохнул Клим, прикидывая быстро в уме, что и как у него во вторник и сможет ли он вырваться.

– Ой, а знаете что, – вдруг оживилась невероятно девушка, – если вы в воскресенье свободны, то приезжайте к нам на праздник!

– На какой праздник? – поинтересовался Ставров.

– Ну как какой? – подивилась его неосведомленности Полина. – Ивана Купала же! Только не говорите, что не знаете!

– Не буду говорить, – усмехнулся он, – но я в таких мероприятиях, как правило, не участвую.

– Так давайте изменим это правило! – жизнерадостно предложила она и заторопилась уговаривать: – Вы вообще знаете, что в Подмосковье есть несколько официальных так называемых этнических площадок, на которых проводят народные праздники, исторические реконструкции и обряды всякие?

– Слышал и на одном был однажды, – порадовал на сей раз знаниями девушку Клим.

– Ну вот! – говорила она совсем не тем своим чарующим голосом, а с веселой задорной бодростью. – Но мы проводим праздник не на них, а в настоящем селе, в котором большинство жителей принимают участие в обрядах. Но все разрешения и официальные бумаги у нас есть, мы не волнуемся, – заверила девушка.

– По-моему, волнуетесь вы, – снова не удержался от улыбки Клим.

– Да, – подтвердила она его предположение и пояснила: – Я пытаюсь уговорить вас. А заодно объяснить, как это интересно. Так вот. Будет очень здорово, поверьте. Мы стараемся восстановить обычаи и традиции, а наши историки открывают все новые и новые сведения об этом празднике. Это очень интересно, весело и красиво. К тому же кузнецы на каждом русском празднике – гости особые, в великом почтении. Приезжайте, вам понравится.

– В воскресенье? – уточнил Клим.

– Да! – бодренько ответила она и вдруг замялась. – Но... Клим Иванович, вам придется, наверное, и понедельник освободить, ну, хотя бы полдня. Потому что сам праздник вообще-то проходит ночью и следующим днем.

– То есть вы меня на два дня приглашаете?

– Ну, хотя бы с воскресенья вечера и до середины понедельника. – И Полина заторопилась подсластить новость: – Но вы не переживайте, вам предоставят самый лучший дом и постель-перину, чтобы вы могли выспаться и отдохнуть.

– Перина – это серьезный аргумент, – усмехнулся Ставров.

– Так вы приедете? – обрадовалась девушка.

– Я подумаю, – не порадовал мгновенным согласием он.

«Думал» он десять минут, в течение которых просмотрел график своих дел на понедельник, поговорил с помощниками, перекидывая на них кое-какую работу.

Уж больно хотелось снова увидеть девушку Полину.

Насколько Клим помнит, в эту ночь принято через костерок прыгать, вот и посмотрит с удовольствием это действие в ее исполнении. И что там еще? Веночки, купание в реке – и это тоже с эстетическим удовольствием просмотрит с ее участием.

Он снова позвонил Юдиной, и она ответила после первого же гудка.

– Здравствуйте еще раз, Полина, – ровно поздоровался мужчина.

– Здравствуйте, – ответила она несколько торопливо.

– Я смогу приехать, с одним условием, – предупредил Ставров.

– С каким?

– Если вы перестанете называть меня по имени-отчеству.

– Хорошо, – тут же согласилась она и спросила: – И когда вы сможете приехать?

– Это зависит от того, куда конкретно надо ехать, – улыбнулся непроизвольно слышавшейся радости в ее голосе Клим.

Она более спокойным тоном объяснила, где это веселое село, почти поголовно занимающееся этнической реставрацией, расположено и как лучше туда добраться. И Клим сообразил, что вообще-то это его направление и от того места до поселка, где он живет, километров трид-

цать, наверное. Ну, может, чуть больше. И тут же припомнил, что что-то такое слышал про это село под названием Красивое и о проводимых в нем праздниках с реконструкциями древних обрядов и обычаев: его соседи в прошлом году туда ездили на Масленицу и рассказывали как-то по случаю, хвалили, кстати.

– Я подъеду часов в пять-шесть вечера. Это нормально?

– Это замечательно! – обрадовалась девушка. – Вы как раз успеете к бане!

– К какой бане? – насторожился Клим. Про водные процедуры в ее рекламной заманухе не упоминалось.

– Баня в канун Ивана Купалы обязательна! С вениками, составленными из специальных трав и веток деревьев, с травяными настоями для пара и для питья. Не волнуйтесь, вам очень понравится, у них здесь замечательная баня, мужчины отдельно парятся. И, кстати, у нас есть такой Степан Акимович, знатный банщик, к нему париться даже из Москвы ездят, говорят, от многих болезней спасает. Ой, я забыла спросить, а вы вообще баню любите, Клим? – удержалась Полина от отчества в самый последний момент.

– Люблю и уважаю, – улыбнулся он телефонной трубке.

– Вот и замечательно! – радовалась она. – Тогда до встречи?

– Да встречи, Полина.

Она нажала на отбой, положила телефон на стол и закружилась по комнате, что-то себе подпевая от бурлящей в ней кипучей радости.

Здорово!

Она думала о нем, думала все эти дни. Он так ей понравился, так заворожил, что в течение дня, что бы Полина ни делала и чем бы ни занималась, вдруг вставало перед мысленным взором его лицо, улыбка, такая сдержанная, мужская и очень теплая, что ли, глаза эти зеленые, спокойные, чуть ироничные и мудрые.

И она все думала: вот они встретятся по рабочим делам, сделают макет лампы, обсудят все – и когда еще смогут увидеться? Все? Вроде бы больше ни в каких местах не пересекаются кузнечные и трикотажные работы? Нет, не пересекаются. И никаких иных встреч не предвидится.

Полина от таких грустных мыслей даже придумала и нарисовала эскиз круглого журнального столика, в котором совместила металл и вышивку. Узор получился простым, но необычным – словно спираль, в которой перемешались звенья, образовав хаотичное переплетение полукружий разных диаметров, а между пересечениями этих линий, в острых углах, сплетено из тонких нитей кружево в виде паутины, где больших размеров, где меньших, всего несколько штучек и не в каждом углу, а сверху предполагалось стекло.

Получилось очень симпатично, ей нравилась идея, Поля даже мысленно видела столик в готовом виде. Правда, Полина не стала рисовать ножки столика, это уж пусть Алина с Климом обсуждают, если им понравится, конечно, и они захотят этот столик делать.

Но ведь какой повод для встречи! А?

Поэтому она и не поспешила предлагать сразу же Алине свой эскиз, решив показать его, когда они встретятся все втроем.

И вдруг Клим позвонил и согласился приехать на праздник, даже почти уговаривать не пришлось!

Это же... очень здорово!!

– Та-там, та-там, та-там, та-там, та-та... – подпевала себе Поля и кружилась по кухне.

И тут запел ее смартфон, не вынеся, видимо, конкуренции. Она резко остановилась и с подозрением посмотрела на телефон, почему-то от неожиданности первым делом подумав, что звонит Ставров, сказать, что передумал или у него дела какие другие есть на этот день.

Постояв так несколько секунд, она тряхнула головой, решительно подошла к столу и взяла аппарат – звонила Алина. Полина облегченно выдохнула и улыбнулась этому своему

странному и непривычному поведению, мыслям, испугу глупому и ожиданиям, тоже не сильно-то разумным. И уже почти весело ответила:

– Да!

– Привет! – поприветствовала взаимной бодростью дизайнер. – Слышу, ты в хорошем настроении?

– Да! – подтвердила Полина. – Только что звонил Клим Иванович, и мы договорились о встрече!

– И поэтому ты так радуешься? – усмехнулась Алина. – Это творческий энтузиазм или тебе так мужчина понравился?

– И то и другое, – рассмеялась звонко Поля и поделилась радостью: – Он согласился приехать в воскресенье на праздник, представляешь?

– Да ты что? – подивилась Алина.

– Ну да, я ему обещала особый почет от селян и замечательный праздник, правда, не сказала, что там будут и другие кузнецы.

– Таких, как он, не будет. Он уникальный, – вступилась за Клина дизайнер. – Ты помнишь наш арабский проект?

– Еще бы, мне пришлось арабские узоры осваивать.

– А ковку, чеканку помнишь? – с интригой в тоне спросила Алина.

– Это его-о? – обалдела Поля. – Я думала, что ты их из Марокко привезла и из Эмиратов.

– Нет, все он и его ребята сделали, – тоном гордой за свое чадо мамы оповестила Алина.

– О-бал-деть! – восхитилась Полина. – Да ты что? Он такую красоту делает?

– Делает, делает, – подтвердила Алина. – Он еще и не такое может. А кузнецы, которые у вас там в реконструкциях всяких исторических и праздниках участвуют, они хоть и умницы большие и много чего умеют, но все же несколько в ином профиле и ключе работают, да и мастеров такого высочайшего уровня, как Клим, по стране не больше пятерых найдется, а то и вовсе парочка. Это, Поленька, особый талант, дар, гениальность врожденная. Между прочим, как у тебя.

– Как у меня? – переспросила Полина.

– А вот так. От Бога дар. Другие тоже работают и те же технологии применяют, и мастерство есть, и профессионализм у них, а магии, волшебства и силы нет. Вот как это получается? Да мы с тобой уже сто раз об этом говорили.

– Говорили, – задумчиво повторила за ней Полина и поделилась потрясением: – Но я почему-то и не подумала, что это он делал. Это же... там такая работа была, я не знаю... наитончайшая, филигранная, я думала вообще, что это восточные мастера прошлого, антиквариат. Ты же говорила, что заказчик дал добро на приобретение любых произведений искусства, которые ты сочтешь нужными. Вот я и решила... еще и дивилась про себя: какие дорогие вещи, а это Ставров изготовил, оказывается.

– Да, – с гордостью подтвердила Алина.

– Подожди, – сообразила вдруг Поля, – а Прованс, это тоже он? И Англия?

– Да, все он! – с гордостью подтвердила дизайнер и добавила для большего потрясения Полины: – Его работы выставлялись на международных выставках. Он и призы получал. Правда, говорить об этом наш Климушка не любит.

– Ну, он не любит, ладно. Но ты-то? – возмутилась вдруг Поля и наехала на старшую подругу: – Почему ты мне раньше не говорила, чьи это работы, и почему не познакомила с меня ним раньше? Мы же четыре года с тобой работаем.

– Поленька, – протянула многозначительно Алина, – а ты на нашего Клина Ивановича за-па-ла.

– Ну да, – не стала отрицать Полина. – А что?

– Да ничего. Очень даже и хорошо! – порадовалась Алина. – Я же хотела вас познакомить с неким таким расчетом. А что раньше не познакомила, так у всех суета, дела. Вы же не только со мной работаете, у каждого из вас и другие заказчики. А у меня ни разу почему-то не выпало с вами двумя одновременно пересекаться. Недавно мы с Климом как-то по делам встречались, и я вдруг подумала: что мне всегда не дает ровности, законченности восприятия, когда я у Ставрова дома бываю, и вроде бы сама же интерьер делала, только с его работами, разумеется. И тут поняла – не хватает твоего колдовства. У него потрясающе интересный дом, много великолепнойковки, дерево, много этнических мотивов, природные материалы, но лаконично до холодности. Чисто мужской рационализм, не хватает мягкости, уюта. Я сразу вспомнила тебя и поняла, что это будет фантастическая гармония, если соединить ваши стили. Вот и подумала, что вас надо познакомить. Хорошо бы, чтобы вы побывали друг у друга в гостях.

Кто про что, а Алина всегда про дизайн, вздохнула про себя мысленно Полина. Ее на Луну зашли, она и там начнет придумывать, как лучше обыграть этот пейзажик и какой тут стиль применить.

– Постараюсь напроситься к нему в гости, – рассмеялась Полина.

– Было бы замечательно. А потом мне расскажешь свои ощущения от его дома.

– Всенепременно, – посмеивалась Поля.

– Кстати, – вдруг вспомнила о чем-то Алина и тут же, как обычно с ней бывает, переключилась на другую тему: – Ты сказала, что Клим в воскресенье к вам приедет?

– Да.

– А ты знаешь, откуда он едет? – заинтриговала Алина.

– Нет. Откуда мне знать, – удивилась такому повороту разговора Поля.

– Ну да, – согласилась Алина и пояснила: – Он едет из Украины. Вернее, с границы Украины и России в Ростовской области, а если совсем точно – из Луганска.

– А что он там делал? – насторожилась почему-то Поля.

– Много чего, – изменила вдруг тон на печально-серьезный Алина. – Начну издалека. Сам он вряд ли расскажет. Но, раз уж он тебе так нравится, то думаю, не мешало бы тебе о нем кое-что узнать. У Клим есть друг детства, Сергей. Бывший офицер, по-моему, даже какой-то спецназовец, но могу и соврать, точно не помню. Но не суть, военный и военный. Бывший, правда, его комиссовали по ранению. Когда поднялась волна в Крыму, они с Климом поехали туда добровольцами и стояли на блокпостах на въездах вместе с местной дружиной. У этого друга Сергея в Крыму бабушка с дедом живут, для него это вторая родина, и он не мог остаться равнодушным. Клим с ним поехал, потому что хорошо их всех знает с детства и любит Крым. А когда начали обстреливать города в Украине, Сергей этот с работы уволился и собирался туда добровольцем. Ну и Клим с ним засобирался. Но друг его отговаривать принялся, мол, каждый должен заниматься своим делом, им там профессионалы сейчас нужны, а ты хоть и служил и многое умеешь, но твое дело здесь. Ставров уперся, я к тому же кузнец, говорит, а им это там ой как понадобится. Вот именно поэтому ты и должен остаться, убеждал его друг, ты мастер редкий, великий, таких в мире, может, пара десятков наберется, нельзя тебе рисковать. Под пулями ходить – это моя работа, к тому же кому, кроме тебя, я могу семью свою доверить и со спокойной душой на войну уйти. Уговорил. Но надо знать Клим, просто так сидеть спокойно и ждать сводок боев из новостей он не станет. Вот и начал собирать гуманитарную помощь. Сначала сам покупал консервы, одеяла, лекарства, муку, крупы, брал напрокат небольшой фургончик и возил, а там как-то переправляли или на границе раздавали нуждающимся. А потом стал привлекать знакомых бизнесменов, друзей и меня подключил. Я тогда и смогла из него эту историю вытащить. А то бы и знать не знала. У Клим есть «Газель» пассажирская, он ее специально купил, чтобы своих рабочих по домам развозить, а утром на работу, некоторые в том же поселке живут, а кто в районе центре и в соседнем селе. Ну вот, на этой «Газели», раз в две недели, Клим с помощниками объезжают несколько адресов, на которых

к пятнице собирают добровольную помощь, загружают полную машину необходимых продуктов и вещей, и он с одним из парней, работающих у него, едет на границу с Украиной. Там их встречает местный проводник, который везет их по тем дорогам и тропам, где не стреляют и можно проехать. Груз они передают ополченцам, а назад везут женщин с детьми, вывозят на границу, в лагерь беженцев под Ростовом. Клим говорит, они не одни такие «челноки», многие стараются помочь чем могут. Страшно там, Поленька. Вот оттуда Ставров к тебе на праздник-то и приедет.

– Понятно, – вздохнула Полина.

– А я чего звоню... – в момент переключилась на иную тему Алина.

Полину всегда поражала эта ее способность. Вот только что эмоционально, горячо обсуждала какой-то предмет, а завершив свои умозаключения по данному вопросу, казалось, в ту же секунду теряла к нему всякий интерес, вспомнив о другом. И это вовсе не значило, что женщина безразлична или невнимательна к людям или событиям, просто психика Алины была устроена таким нестандартным образом.

– Ты там что-то говорила о другом заказе, который тебе предлагали?

– Ну да, мы встречались вчера, но я пока не дала окончательного ответа, – думая о том, что рассказала Алина, рассеянно ответила Поля.

– Откажись! – с нажимом попросила дизайнер. – У меня тут небольшая халтурка образовалась, и там в интерьер просто просятся твои вещи! Очень тебя прошу! Это должно получиться шикарно, да и платят весьма и весьма серьезно.

– Ну давай, – улыбнулась Полина этой ее творческой горячности, – рассказывай.

Ставров, разумеется, заехал домой, принял душ и переоделся, но, въезжая в село с многообещающим названием Красивое, чувствовал себя так, словно и не вставал из-за руля, – уставшим и немного измученным. Как они и договаривались, он, подъезжая к селу, позвонил Полине, и девушка объяснила подробно и четко, куда проехать и как лучше это сделать. Но, выруливая к добротному большому деревянному дому, он увидел не ее, а какого-то мужика, махнувшего ему приветливо и указавшего рукой, куда лучше поставить машину. Клим почувствовал укол разочарования.

Ставров припарковался, вышел из машины и только тогда увидел Полину – она шла к нему от калитки, неся в одной руке глиняную крынку, другой ручкой очень женственно приподнимая край своей светлой льняной одежды, выполненной в славянском стиле.

Как это все называлось и надевалось, Клим понятия не имел, но он дышать на время забыл, захваченный этим видением: вот идет к нему навстречу, словно плывет над землей, прекрасная девушка из далекого загадочного прошлого, стройная, румяная, длинная густая коса перекинута на грудь – пасторальная картинка, внутри которой он вдруг оказался, даже возникло на мгновение странное ощущение погружения в далекое прошлое.

– Здравствуйте, Клим, – подойдя совсем близко к нему, поздоровалась девушка, улыбнулась и протянула крынку: – Вот, попейте с дороги.

Он не мог взгляда отвести от ее веселых серых глаз. Так ничего и не сказав, принял крынку и, продолжая смотреть на девушку, начал пить.

Питье оказалось изумительным – освежающим, в самую нужную меру прохладным настоем каких-то горько-терпких трав, чуть подслащенным медом. Почувствовав и распробовав вкус того, что пьет, Ставров прикрыл глаза от удовольствия и от какого-то непонятного, наполняющего его чувства правильности происходящего в этот момент, казалось, замедлившийся, растянувшийся для того, чтобы Клим смог его прочувствовать в полной мере, смакуя каждую каплю.

Он перестал пить, открыл глаза и посмотрел на девушку.

– Здравствуйте, Полина, – поздоровался Ставров и спросил: – Это приворотное зелье?

– Нет, – усмехнулась она. – На кузнецов простые привороты не действуют. Так что это обычный отвар из травок, усталость снимает и помогает немножко расслабиться.

– Спасибо, – поблагодарил он. – Вкусно, мне понравилось.

– Идемте в избу, я познакомлю вас с хозяевами. И расскажу, что ожидает впереди.

– Настораживающее начало, – заметил Клим.

– Ну, вы же не из пугливых, – рассмеялась Полина и неожиданно доверительно взяла его под руку. – Сегодня я становлюсь вашим гидом-проводником по празднику, буду все объяснять и рассказывать. А вы спрашивайте обо всем, что интересно или непонятно.

– Мне интересно, что на вас за одежда, – тут же воспользовался он предоставленным правом.

– Это традиционная одежда, которую носили древние славяне, жившие в этих местах. Они делались из беленого, очень хорошо выделанного тонкого льна и украшались различной вышивкой. Даже каждодневные одежды были красивыми, богато расшитыми удивительными вышивками и очень удобными. А все уверения в том, что древние крестьяне жили в жуткой бедности, – выдумки, причем сознательные. Но это довольно большая, грустная и отдельная тема. Если вам будет интересно, я потом как-нибудь расскажу, что знаю. А сейчас скажите, Клим, вы голодны?

– Немного.

– Очень хорошо, – чему-то обрадовалась Полина и лукаво улыбнулась.

Чему она так задорно улыбалась, он понял, зайдя в избу, где за щедро накрытым столом сидели хозяева. Клим несколько опешил от такого богатого стола и такого количества людей за ним. Но оказалось, что это одна большая семья. Полина принялась знакомить хозяев с гостем. Начиная с главы семейства – Василия Игнатьевича, крепкого с небольшим пузечком мужика лет шестидесяти, затем представила его жену Антонину Петровну, их дочь с сыном, невестку и зятя, четырех внуков разных возрастов от четырнадцати лет и до грудничка, месяцев шести, маму хозяина Ольгу Емельяновну, бодрую, улыбчивую бабушку восьмидесяти четырех лет, и ее младшую сестрицу Ксению, восьмидесяти лет, под стать сестрице приятную беленькую бабушку.

Клима усадили на почетное место – напротив хозяина, на другом конце стола, рядом, справа от него, устроилась Полина и принялась ухаживать за гостем, предлагая разнообразные угощения и поясняя заодно правила и традиции.

– Для начала не пугайтесь такому изобилию, – озаряла его своей улыбкой, ямочками на щечках и румянцем она, – на самом деле сейчас небольшая, легкая трапеза перед баней, и большинство блюд, которые стоят на столе, будут подавать еще и на ужин перед началом праздника, а сейчас их как бы пробуют и показывают, а потом отправят в печь медленно дотамливаться. Если вы не очень голодны, то посоветую вам вот это, – указала она на большую миску.

– И что это?

– Гречневая каша, жаренная на горчичном масле с луком, лисичками и солеными огурчиками.

– Давайте, – кивнул Клим.

– А к ней подается соленый огурец в меду, и моченые яблочки очень вкусно, – уверила она, положила в его тарелку каши и, уже не спрашивая, на отдельную тарелку предложенную закусочку, села на свое место и приступила к роли проводника по мероприятию. – Вообще-то в этот праздник готовят постные блюда, потому что идет Петров пост. Мясо и молочные продукты под запретом, правда, есть одно традиционное купальское блюдо: вареники с домашним сыром, очень вкусные, просто потрясающие. А пост сейчас редко кто соблюдает, но мы стараемся придерживаться правил, нам положено.

– А кто – мы? – поинтересовался Клим. – Я еще когда вы мне рекламную акцию по телефону устроили, хотел спросить, вы все повторяли: «Мы, у нас».

– Здесь, в Красивом, лет двадцать назад поселился один историк-энтузиаст древней славянской культуры, краевед Всеволод Иванович Устюгов, личность потрясающая. Вы, кстати, сейчас познакомьтесь с ним в бане. Долгая история, как он сумел народ заинтересовать своим увлечением и администрацию убедить в нужности этого дела, он вам сам расскажет, если представится случай. Но постепенно вокруг него образовался сплоченный коллектив таких же увлеченных людей, любящих свою родину и интересующихся ее подлинной историей. Они стали организовывать проведение славянских праздников, возрождать обряды, устои и обычаи каждодневной жизни, привлекать ученых к этим мероприятиям, и в результате получилась такая научно-историческая, исследовательская площадка. Многие жители села с удовольствием принимают в этом движении активное участие и даже ремесла старинные освоили, которые наши историки восстанавливают. Кстати, тут и кузница есть. Красивое стало знаменитым, сюда не только москвичи ездят, но и люди из других городов страны, руководство района и области; на гулянья приезжают и иностранцы из разных стран. Ну а я попала через моего руководителя по этническим экспедициям Павла Евгеньевича Костромина. Он ученый, историк, этнограф и друг Всеволода Ивановича. Три года назад пригласил меня сюда, сказал: будет интересно. Я приехала и стала одной из них. Если честно, то я скорее гость наезжающий, но и свою лепту в дело вношу, рукодельничаю понемногу для них, поэтому меня вроде как зачислили в коллектив, но вольным товарищем.

– Каша очень вкусная, – похвалил угощение Клим, – и огурчики, и яблочки действительно в самый раз к ней.

– Если вы не очень голодны, то лучше больше ничего не есть, – посоветовала Полина, – потому что сейчас вы отправитесь с мужчинами в баню и париться будете не меньше двух часов. А вас, я так думаю, там и подольше продержат. Потому как все село знает, что вы известный кузнец, и встречи с вами ждут Костромин с Устюговым и другие историки.

– Почему вы решили, что я такой уж известный? – уточнил Клим.

– Я не решила. Просто сказала, что ко мне придет хороший знакомый, с которым мы вместе работаем над одним большим проектом, а когда Павел Евгеньевич спросил, кто вы по профессии, я ответила. А он вдруг заинтересовался и вашей фамилией, ну и я назвала, – изобразила раскаяние Полина. – И оказалось, что он про вас слышал, работы ваши видел и очень ими восхищался. Они все тут же коллективом наших историков кинулись в Интернет и все про вас там прочитали. Вот так. Извините. Зато вас Степан Акимович попарит самым почтительным образом, как он и обещал. Вы всю усталость скинете и лет десять заодно. Он у нас кудесник.

– А можно как-то нивелировать такую неожиданную популярность? – не самым довольным тоном поинтересовался Клим.

– Боюсь, что уже нет, – развела руками покаянно Полина и задорно улыбнулась. – Но вы не переживайте, сегодня много интересных и известных личностей придет, на них отвлекутся, даже глава района к рассвету явится Перуново колесо запускать. По большому счету, во время праздника все это не имеет никакого значения – ни регалии, ни звания, ни известность. В ночном хороводе и гулянье все равны.

– Поверю вам на слово. Ну, что надо делать дальше? – спросил Клим, заметив движение за столом: кто-то уже поднялся со своего места, женщины принялись убирать посуду.

– Клим, мы приготовили для вас традиционную старинную одежду, – осторожным каким-то тоном сообщила Полина. – Она очень удобная. Если хотите, можете взять в баню для переодевания, если хотите остаться в своей одежде, должна предупредить: праздник долгий и очень активный – и длинные хороводы, и прыгание через костер, купание в речке, поиск в лесу папоротника и много еще чего. И еще надо будет подвязать рубаху поясом из трав, а сок от них оставляет следы. Так что подумайте.

– Давайте наряд, – решил Ставров. – Интересно даже.

Полина вручила ему сложенную аккуратной стопкой одежду и пошла вместе с женщинами проводить мужчин в баню, на другой участок в конце улицы.

Выяснилось, что это ритуал, а не просто: «На, Ваня, тебе одежду чистую и иди!» Женщины пели какие-то задорные шуточные песни, частушки-пожелания мужчинам «веселого парка» да доброго здоровьица, эдакие с намеками, несколько фривольные, при этом каждая несла в руках тяжелый поднос, уставленный глиняными кувшинами, крынками с напитками и снедью к ним. Из дворов, мимо которых проходили, выходили люди и присоединялись к веселому хороводу.

Персональный экскурсовод Клим в этих песенных проводах принимала самое активное участие, еще и приплясывала эдак ловко, высоко поднимая поднос на руках, и посмеивалась, раздумываясь и была ну просто необычайно хороша. А потом подлетела к нему и, запыхавшись, быстренько начала объяснять:

– Ивана Купала называют еще и чистым праздником, потому что, по преданию, купальские праздники проводят в честь солнечной свадьбы бога солнца Перуна с красной девицей Зарей-Заряницей, одним из важных актов этой свадьбы было купание солнца в водах. Напомните, я расскажу вам потом часть предания, это очень красиво. Праздник называют чистым, и начинается он с подготовки, одним из основных пунктов которой является очищающая баня. Мы вот несем с собой настои разных трав, обязательных к употреблению в этот день. Одни вы будете пить, другие разводить в воде и обливаться, и поддавать пару. А веники у вас сегодня особые, березовые, но с добавлением рябины и трав некоторых, крапивы в том числе, – задорно усмехнулась она. – Так что приятного пара.

– Спасибо. А что после бани?

– А я вам все по мере действия буду рассказывать, – сохраняла интригу Полина.

Женщины передали мужчинам подносы перед воротами, поклонились в пояс и ушли. А Клим с Василием Игнатьевичем, его сыном и зятем зашли на участок и прошли по дорожке к большой двухэтажной бане в его правом углу.

Зашли, и их бодрым нестройным хором приветствовали сидевшие в предбаннике мужики. Клим насчитал пятерых.

И началось банное священнодействие в хорошей мужской компании, в которой его приняли, как и предупреждала Полина, с большим уважением и неким даже излишним почтением. Что сильно напрягало Ставрову, но через десять минут разговора все уже общались свободно, без лишней в этом голом святом деле надуманности, регалий и званий. Клим сразу же под свое гостеприимное крыло взяли два друга-историка: собственно идеологический «папа» всего этого погружения в прошлое и «любви к ушедшей жизни» Всеволод Иванович Устюгов и Павел Евгеньевич Костромин. Беседа потекла интересная, содержательная и насыщенная.

Алкоголь у них здесь оказался строго запрещен. Как объяснил Костромин, предки наши практически вообще не пили хмельного, только медовуху по праздникам и на свадьбах, но она была легким напитком, не более пяти-шести градусов, а позже стали варить пиво. Но и оно слабенькое, не хмельное. Вообще русичи были трезвенниками и блюли моральную, нравственную и духовную чистоту, а все иные утверждения – это грамотно состряпанная клевета о пьяной и дикой России, выгодная во времена переписывания истории западным цивилизациям. Но сейчас не об этом.

К компании присоединился солидный здоровяк, лет за пятьдесят, и с ним молодой парень. Они представились коллегами Клим и, извинившись за излишний интерес, принялись расспрашивать о профессии. Все трое почти сразу же погрузились в обсуждение технических деталей и специфики кузнечного дела, пока их не остановил Устюгов.

– Эй, мужики, хорош о производстве, – призвал он вернуться к отдыху. – Наговоритесь еще, успеете. Ты, Климент Иванович, – обратился он к Ставрову по полному имени, которое выпросил у гостя в первые же секунды знакомства, – вот лучше скажи, как ты в профессию-то

в эту попал? Вот что интересно мне, как историку: как человек понимает, что у него талант и тяга к таким редким профессиям, как кузнец. Где он с ней сталкивается?

А Клим задумался: как можно коротко рассказать о выборе такого пути? О том, как и что его вело? Как повезло и получилось?

– Плохой из меня оратор, Всеволод Иванович, – признался Ставров, – я больше руками делаю и думаю, чем говорю.

– А я тебя, Климент Иванович, попарю сейчас до киселя в костях, – весело подмигнув, пообещал вдруг знаменитый Степан Акимович, – тебя разморит, и слова-то сами потекут под настой медовый с травками.

– Попарюсь с уважением, – поклонился благодарно Клим, уже отведавший и оценивший по достоинству разок веничков старика, – а с рассказом как получится, не обессудьте.

Акимыч охаживал его от души, дельно, как тут называют что-то добротное сделанное, Клим только покрывал от удовольствия и терпел, и думал-размышлял о том, что спросил у него Всеволод Иванович.

Клим родился в семье потомственных врачей. Практически совершенно глухой вариант – буквально со всех сторон родни сплошные медики, за исключением одного деда Александра Мироновича.

А вот второй дед, Матвей Захарович Ставров, – глава их врачебной династии. В сорок первом году он как раз окончил последний курс лечебного факультета и прямо из дверей мед-института попал на фронт хирургом в полевой госпиталь, с которым и прошел всю войну до самой Победы.

С фронта он принес самое ценное, что было тогда в его жизни, – накопленный опыт и тетради с записями. Ну и довесок к ним – два ранения. Дед рассказывал Климу, как во время сложной операции он на свой страх и риск применил один прием в методе оперирования, еще не опробованный до этого. Молодой солдатик умирал, кровопотеря страшная, и вдруг Матвея осенило, словно шепнул кто в голове, что можно попробовать вот так сделать. И получилось, и он понял, что надо срочно записать все, что сделал, иначе забудется, сотрется из-за бесконечной изматывающей усталости, потока раненых и хронического недосыпа.

Попросил у старшей медсестры что-нибудь, на чем можно важные заметки написать, и она нашла для него ученическую тетрадку в коричневой дерматиновой обложке. Вот с этой тетрадки и начался архив деда. Он осознал однажды, что и его коллегами каждый день проводятся уникальные операции. Происходят малые и большие открытия новых методов и способов ведения этих операций, еще не описанных нигде, и порой приходится прилагать невообразимые усилия, выдумку и решительность, чтобы спасти пациентов. Каждая такая операция уникальна, ее бы закрепить, повторить и описать, но новый опыт теряется, порой растворяется в бесконечном кровавом потоке раненых и жуткой усталости врачей, переходящей за всякие грани.

И тогда он стал записывать. Коротенько, забирая у такого необходимого сна и отдыха время, но понимая, что эти записи могут спасти кому-то жизни в будущем.

Когда тетрадочек, амбарных книг, в которых приходилось писать за неимением ничего другого, а порой и просто сшитых нитками листов накапливалось несколько штук, он отсылал их домой, в Москву, маме на хранение. А те, что находились у него, деду Матвею не раз приходилось спасать из огня да из-под обстрелов, иногда привязывая к себе, чтобы не потерялись.

Не зря вел записи Матвей Захарович, жертвуя сном и драгоценным отдыхом ради описания интересных случаев и уникальных операций, хранил их и берег в любой ситуации. Этот ценнейший опыт послужил нескольким его научным разработкам и открытиям, защите кандидатской и докторских диссертаций, но и еще работам исследовательского института, куда передал свои записи после войны Матвей Захарович.

Вот какой уникальный дед был у Клима. Умер десять лет назад. Кстати, это именно он настоял, чтобы внука назвали в честь известного командарма Климента Ворошилова, который однажды в самом прямом смысле спас деду жизнь. Но это история туманная, о многом в ней умалчивается, и связана она не с полем боя, а с тем, что пришлось спасать деда от органов НКВД. Дед Матвей об этом говорить и вспоминать не любил, лишь повторял несколько раз, когда Клим пробовал допытываться, что поступил бы точно так же и его задача спасти человека не только со скальпелем в руке.

Но бабушка, Евдокия Антоновна, как-то тишком Климу рассказала, что дед спас большого генерала, друга Ворошилова, того чекисты хотели забрать прямо из госпиталя, арестовать в смысле, а дед не отдал пациента. Ну и поимел все вытекающие из такого поступка последствия. Далеко, видать, и сильно вытекающие, потому как внук Матвея Захаровича стал тезкой легендарного усатого командарма.

Бабушка Дуся тоже была медиком, физиотерапевтом. Маленький Клим очень любил приходить к ней на работу. Аппаратам, которые стояли в ее большом лечебном кабинете, он дал имена и играл с ними, как с инопланетными роботами, и просился помогать бабуле, когда надо было на ультразвуковом приборе открутить и поменять большие круглые штуки на маленькие круглые или наоборот.

Дедушка Матвей был старше бабули на двенадцать лет. История их знакомства и любви очень красива.

Дуняша Анина пришла на работу в больницу молоденькой девчонкой проходить интернатуру. Матвей Ставров к тому времени уже был личностью знаменитой, легендарной в этой клинике, да и не только в ней.

Здоровый, крупный мужик, прихрамывающий из-за тяжелого ранения в ногу, но не очень сильно, элегантно, можно сказать, что только добавляло к его образу мужественности, балагур и шутник, душа любой компании и известный своими научными работами хирург, кандидат наук и почему-то холостяк в свои тридцать четыре года.

При неизменном устойчивом обожании женщин всех возрастов и сословий, при невероятном дефиците мужчин после войны и огромном выборе девушек Матвей Ставров оставался холостяком и только отшучивался, когда наседали с вопросами о таком его семейном положении, говорил, что не встретил пока свою единственную, которая сможет терпеть его постоянную ночную работу и готовить для него любимый фасолевый суп.

С молоденьким физиотерапевтом Дунечкой Аниной Матвей Ставров столкнулся в самом прямом смысле на третий день ее работы. Дуню, как и положено новичку зеленому, нагрузили всяческими заданиями, которых, как правило, стараются избежать все остальные. Ну, например, давно уже было пора отнести папки со старыми историями болезней в архив, да всем некогда и далеко идти, и пациенты потоком шли, не отвлечься. А тут новенькая подвернулась.

Нагруженная под подбородок папками с историями болезней, Дуня осторожненько шла по коридору, услышала, как громыхнули, отворяясь, железные двери грузового лифта, и заторопилась, почти побежала к нему, ничего толком не видя вокруг, – ей-то как раз на лифт, вниз в архив надо, а пойдя его дождись, пока он по верхним этажам пациентов развозит, вот и побежала. А в это время из-за угла стремительной походкой вышел спешивший куда-то хирург.

По всем правилам жанра столкновение было неизбежным. Папки веером разлетелись вокруг, и под шелест падающих листков из историй болезней перепуганная Дуняша подняла глаза, увидела и поняла, что налетела на знаменитого Ставрова, о котором ей в восторженных тонах рассказывают вот уже третий день все женщины коллектива и которого ее начальница показывала один раз ей в окно, когда легендарный доктор шел через улицу в другой корпус.

От расстройства и ужаса у Дуни начали наворачиваться на глаза слезы, она совершенно растерялась и поняла, что сейчас окончательно опозорится, расплакавшись, и тогда уж совсем все пропало.

– Ну-ну, – пожурил великий хирург. – А плакать-то зачем?

И вдруг шагнул к ней, подхватил сильными руками под мышки, приподнял, вынес в сторону от разлетевшихся по полу бумаг и поставил на ноги. И, улыбаясь иронично и совершенно беззастенчиво рассматривая ее, неожиданно крикнул:

– Теть Галь!!

– Ау! – отозвался кто-то из-за угла. – Здесь я, Захарыч.

– Иди, помоги тут девушке, – позвал он и пожелал Дуняше, смотрящей на него потрясенным взглядом: – Вы так не расстраивайтесь, девушка, не крушение же поезда.

И ушел по коридору, насвистывая какую-то веселую мелодию. К обеду про это столкновение уже судачила вся больница – от санитарок и пациентов до главврача. Дуня не знала, куда деваться от взглядов, шепотков и улыбочек, тушевалась ужасно.

А через два дня в столовой, на глазах у всех, он подсел к ней за столик во время обеда. И, расставляя тарелки и стакан с компотом, посоветовал веселым голосом:

– Да вы ешьте, Дуня, а то все остынет!

– Спасибо, – ответила она не в лад, невпопад, тут же покраснела и стушевалась страшно и только сейчас заметила, что держит в руке позабытую ложку с супом.

И вдруг разозлилась отчего-то, опустила резковато ложку в тарелку, так что блюмкнуло супом, но не разлилось, и выговорила великому доктору Ставрову:

– Вы меня ужасно смущаете! – наклонилась поближе к нему через стол и сбавила голос потише, чтобы слышал только он: – Зачем вы сели ко мне за столик? Полно ведь свободных мест, а вы и вовсе с коллегами обедать пришли. Они вон как на нас смотрят. И что теперь все подумают?

– Все подумают, что мне нравится милая, молоденькая докторица и я с ней заигрываю, – улыббался великий Ставров.

– И об этом будет судачить вся больница! – возмущенно ахнула она.

– Обязательно, – подтвердил он, продолжая довольно улыбаться, и вдруг неожиданно спросил: – Дунечка, а вы умеете готовить фасолевый суп?

– Что? – растерялась девушка.

– Настоящий фасолевый суп умеете готовить? – повторил он вопрос.

Она посмотрела на него, понаблюдала молча, как он, пребывая в замечательном расположении духа, принялся есть, поглядывая на нее с задорной улыбкой, и кивнула.

– Да, – еще разок кивнула она. – Умею. Меня бабушка научила, она очень его любила. А насколько он настоящий, я не знаю. Просто суп.

– Замуж за меня пойдете? – весело спросил Ставров.

– Пойду, – ответила Дуня после непродолжительного молчания и спросила, как школьница у преподавателя: – А теперь можно я поем, а то я голодная.

Через неделю они поженились.

Клим слышал историю их знакомства и женитьбы сотни раз, с разными подробностями и деталями, а когда стал постарше, спросил как-то у деда:

– Дед, а как ты вот так увидел девушку и тут же женился? Так разве возможно?

– Ну, кому как, – усмехался дед Матвей. – Кому и возможно, а кому и год ухаживай, а все нельзя. У нас в больнице быстро новости расходятся: когда Дунечка пришла на работу, уж на следующий день судачили про молодую очень симпатичную девушку, которую наши дамы гоняли в хвост и гриву с разными заданиями. Интересно и мне было увидеть, что за девушка такая. Ну, а когда мы столкнулись, сразу понял: моя! А раз моя, чего тянуть-то и вокруг да около ходить.

– А если б она отказала? – выяснял Клим.

– Я бы ухаживал, завоевывал и все равно бы на ней женился.

– Но как это может быть: вот так только увидел и сразу понял – моя? – недоумевал Клим.
– Этого не объяснить, – пожимал плечами дед. – Вот встретишь свою девушку, тогда и поймешь.

– А если не встречу? – сомневался внук.

– Тогда не поймешь, – усмехался загадочно дед.

Отец Клима Иван Матвеевич пошел по стопам деда, став медиком, хирургом-урологом. С мамой, Еленой Александровной, они встретились еще в институте, когда отец учился на четвертом курсе лечебного факультета, а она на два года его младше и училась на терапевта. Они общались в одной дружеской компании, вместе в походы, на лыжах ходили, потом начали встречаться, а поженились, когда отец уже работал в больнице, а мама проходила там интернатуру.

Но и это еще не все!

Мамина мама, Лариса Евгеньевна Корнеева, – врач-окулист.

Словом, обложили Клима медики со всех сторон. Понятное дело, будущее отпрыска всему семейству виделось однозначным – в медицину!

Только дед Александр Миронович, который являлся заслуженным металлургом, посмеивался и рекомендовал не трогать парня, пусть сам разберется, кем хочет стать и к чему у него душа лежит.

А Клим не знал! Вот совершенно искренне не знал и не понимал, что ему интересно и в какую профессию его тянет. Душа молчала, как он к ней ни прислушивался. Ну, а коль такое дело, порадовалась врачебная «диаспора» семьи, значит, в медицину!

Но тут Клим проявил характер. Задавшись вопросом: а если он поступит в институт и на курсе так четвертом-пятом поймет, что ему это неинтересно? Что, бросать? Идти искать, где интересно? Нет уж!

И настоял на том, что пойдет для начала в медицинское училище, которое в год его поступления переименовали в колледж. И выбрал себе специальность фельдшера. Родня в шоке! Какое училище?! Готовились к институту, школу с серебряной медалью окончил, два года подрабатывал по вечерам санитаром – и в училище?!

Училище – закончил все споры и стенания Клим одним веским, решительным словом.

И года учебы не прошло, а он уже подрабатывал на «Скорой» по ночам и такого там посмотрелся! Вот уж где практика жизни и медицины! На все случаи в жизни. А Клим все прислушивался к себе, спрашивал – как ему? Нравится, по душе эта профессия? Да, вроде нравится и на месте себя чувствует. Нормально. Ну, тогда идем дальше.

Судьба к человеку приходит по-разному. Редко с фанфарами и парадным строем, громко оповестив о своем приходе, в основном буднично и без предупреждения, как Мосгаз для проверки газовых плит.

Мамин отец Александр Миронович Корнеев имел профессию инженера-металлурга и долгие годы проработал на огромном известном металлургическом заводе, начал с простого рабочего. Работал и учился заочно в институте, назначили мастером участка, стал инженером и дошел до должности первого заместителя директора. А потом его карьера сделала вираж, и Александра Мироновича забрали в Москву, в министерство, правда, недолго он чиновничал, года три. Не понравилось, и он вышел на заслуженную пенсию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.